

ЯРОСЛАВ ГАЛАН
С КРЕСТОМ
ИЛИ С НОЖОМ

ПАМФЛЕТЫ

Перевод с украинского

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва 1962

Художник Г. Хомаза

ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ

Был прекрасный солнечный день. Люди радовались осени, которая особенно привлекательна и щедра в нашем крае, и готовились отметить знаменательное историческое событие — десятилетие воссоединения украинского народа в едином Советском государстве.

Украинский писатель Ярослав Галан работал в своем кабинете над статьей к праздничному номеру газеты.

«...В грозное время, в час, когда сердце народа переполняется обидой и гневом, каменные львы оживают. Они стряхивают тогда седину со своих грив, сходят с постаментов и бегут по сонным улицам, наполняя их потрясающим ревом. Этот рев не доходит до человеческого слуха, его можно услышать только сердцем. Тогда побледневшие люди просыпаются, зажигают огни и выходят на улицы. В этот тревожный час, опережаемая стаей серебрястых голубей, парит в небесной выси невидимая боевая слава».

Так было во Львове весной 1902 года, когда на улицы вышли бастующие рабочие и над городом зазвенела революционная песня:

Красен цвет наших знамен,
Ибо на них рабочих кровь.

После этого трудящиеся Львова неоднократно выходили на бой против капиталистических супостатов. Так было и в 20—30-е годы. В рядах этих борцов был и писатель. Поэтому с таким волнением он пишет о завоеванной свободе, о завоеванном народом праве на счастье. Величественные перемены расковали творческий гений народа.

«Жизнь, чудесная советская жизнь,— писал Галан в этой своей статье,— победоносно шагает вперед и рождает новые песни, новые

легенды, в которых и львы и боевая слава будут символизировать отныне только одно: величие освобожденного человека».

Всеми своими помыслами писатель был с народом. Он с надеждой смотрел в будущее, предвещая народу новые достижения и успехи, новую светлую радость. Он думал о жизни и пламенно любил ее.

Статья не была закончена. Рано утром 24 октября 1949 года в его кабинет ворвались подсланные Ватиканом националистические бандиты и за рабочим столом зверски убили писателя. Страницы рукописи были обгажены кровью.

Совершенное преступление гневом наполнило народные сердца. В день похорон Ярослава Галана десятки тысяч людей вышли на улицы Львова, чтобы у гроба своего любимого писателя дать клятву бороться за окончательную победу того дела, за которое он погиб.

Когда преступника на суде спросили, за что он убил писателя, он цинично ответил:

— За то, что Галан выступал против украинских националистов, римского папы и Америки.

— Кто дал вам поручение убить Ярослава Галана?

— Ватикан! — ответил убийца.

Народ покാരал этого наемника Ватикана. Всенародная ненависть смела бандеровских головорезов, униатско-ватиканских шпионов, которые хотели свергнуть нас в новые беды и горе.

Ярослава Галана — своего честного и верного сына — народ сохранит в своем сердце навеки. Убийцы не достигли цели. Уничтожить Галана-писателя нельзя.

Изданные многомиллионными тиражами во многих советских издательствах и за границей, в странах социализма, произведения Ярослава Галана стали верным оружием борцов за мир, за коммунизм. За Ярославом Галаном стоит великий советский народ, который взял пламенное революционное творчество писателя на свое вооружение.

И мы говорим: Галап жив, Галан в стрюю! Он борется против сил империалистической агрессии, ватиканской и клерикальной чумы, против буржуазно-националистических предателей. Своими боевыми произведениями писатель-коммунист мужественно продолжает борьбу против всех врагов советского народа.

Ярослав Александрович Галан родился 27 июля 1902 года в местечке Диневе, близ г. Перемышля. Учился в Перемышльской польской гимназии, а затем, в связи с эвакуацией во время первой

мировой войны, — в Ростове-на-Дону, где изучал русский язык, литературу, участвовал в ученических кружках. Высшее образование Ярослав Галаи получил в Высшей коммерческой школе в Триесте, в Венском университете и в Краковском Ягеллонском университете.

Вступив на путь революционной борьбы в 1923 году в Вене, в двадцатидвухлетнем возрасте он становится членом подпольной коммунистической партии Западной Украины, а через два года — членом компартии Польши. Он принимает участие в работе студенческих прогрессивных организаций, революционного коммунистического подполья, исполняет ответственные партийные задания, участвует в создании организации пролетарских писателей Западной Украины «Горно» и в руководстве журнала «Вікна», сыгравшем большую роль в консолидации революционных литературных сил.

Литературная деятельность Я. Галана была многогранна. Он писал пьесы, рассказы, очерки, публицистические статьи, памфлеты, фельетоны, рецензии, переводил с немецкого на польский язык. Писал на польском языке (например повесть «Горы дымят»). Работал и печатался в польской прогрессивной прессе. Некоторые свои памфлеты и статьи писал по-русски.

За революционную деятельность писатель неоднократно сидел в польских тюрьмах. Подвергался преследованиям полиции, церкви, украинских буржуазных националистов и польских шовинистов. Но это не сломило его воли к борьбе. Его отстранили от педагогической работы, и он все силы отдает творчеству. Полиция закрыла украинские прогрессивные издания — он обратился к польским. Печатался в них даже в Варшаве, где вместе с Вандой Василевской работал в газете «Дзеник популярны». Посылал свои произведения в Советскую Украину, за границу.

О творческой активности Я. Галана можно судить хотя бы по тому, что за полтора года работы в условиях советской власти (с сентября 1939 года до начала Великой Отечественной войны) им было опубликовано более ста художественных и публицистических произведений. Кроме того, он вел общественную работу и собирал материалы для больших художественных полотен.

Во время войны Я. Галан работал радиокомментатором в группе журналистов ЦК компартии Украины, в редакции газеты «Радянська Україна», издал сборник памфлетов, фельетонов и радиокомментариев («Фронт в эфире»). После войны был корреспондентом на Нюрнбергском процессе главных фашистских военных преступников, побывал и в ряде стран Европы.

Произведения Ярослава Галана, собранные на Украине в три объемистые тома (Гослитиздат УССР, Киев, 1960), занимают в

украинской советской литературе видное место. Благодаря русским переводам его произведения известны народам Советского Союза. Большой популярностью пользуются пьесы Я. Галана. Пьеса «Под «Золотым орлом» по количеству спектаклей несколько лет занимала первое место в нашей стране. Последняя пьеса — «Любовь на рассвете», кроме Украины, шла в ряде театров союзных республик и в сотнях самодеятельных театров, ее передавали по радио и телевидению. Пьесы Я. Галана шли в Чехословакии и других странах. Его драматургия явилась значительным вкладом в советскую литературу и культуру.

В настоящем сборнике представлена только часть памфлетов Ярослава Галана. В него вошли произведения, направленные против фашизма, его главарей и империалистических агрессоров, против украинских буржуазно-националистических предателей и против Ватикана, униатства, церковного мракобесия.

Ярославу Галану пришлось столкнуться с фашистским чудовищем еще задолго до Отечественной войны. Впервые это произошло в библиотеке Венского университета. Вооруженные дубинками фашиствующие студенты агрономического института ворвались в библиотеку и потребовали, чтобы все евреи покинули зал. В знак протеста против погрома зал оставили почти все студенты. Тогда осатанелые фашистские молодчики учинили дикую расправу.

Я. Галан воочию увидел фашизм и во время своего недолгого пребывания в Италии. А вернувшись домой в Западную Украину, лицом к лицу столкнулся с польскими и украинскими фашистами. И это помогло ему в годы войны выступить с произведениями, метко разящими врагов.

Сборник «Фронт в эфире», вышедший в 1943 году, не представляет собой всего творчества Галана в военные годы. В архиве радиостанции «Радянська Україна» обнаружен целый ряд новых произведений, которые в свое время передавались исключительно по радио и впервые были напечатаны на Украине только два года тому назад.

Свой радиокomentarий «Аванс», передававшийся в июне 1942 года, Я. Галан заканчивал предсказанием будущего суда народов над гитлеровским фашизмом: «Приближается час окончательной расплаты. Это будет суд, какого еще не знала история». И свершилось так, что через три года Я. Галан как советский журналист присутствовал на суде над главными фашистскими военными преступниками в Нюрнберге.

«Когда я выезжал на Нюрнбергский процесс,— писал Галан,— я не ожидал случайностей. Лицо фашизма было мне уже достаточно знакомо; как мне казалось — знакомо до мельчайших деталей. Факты показали, что я ошибался. Я знал, что увижу преступников, каких не знала история, но в то же время думал, что перед лицом неминуемой виселицы они сохраняют элементарные правила приличия, принятые в мире даже самых закоренелых грабителей и душегубов. У нюрнбергских подсудимых не было даже этой «морали». Эти проповедники и исполнители волчьих законов теперь сами напоминали стаю голодных волков».

Ярослав Галан создает талантливую серию портретов главарей немецкого фашизма. У каждого из этих апостолов гитлеровского «нового порядка» есть свое гнусное лицо, свой особый бандитский паспорт, свое злодейское амплуа.

Когда Гитлер со своей бандой начал пробивать себе дорогу к власти, Риббентроп (памфлет «Иоахим фон») был владельцем дома и небольшого винного предприятия. При обычном росте дохода он мог рассчитывать лет через десять построить еще один дом, но «счастье» неожиданно улыбнулось ему — он стал гитлеровским подручным. За два года министерской «деятельности» он «приобрел» шесть огромных имений, а его банковский капитал исчислялся в несколько десятков миллионов марок. Геббельс, кроме пяти «зарплат» — министра пропаганды, члена совета обороны, берлинского гаулейтера, прусского государственного советника и депутата рейхстага, — получал большие прибыли от управляемых и обкрадываемых им кинопромышленности и радиопредприятий, газет и издательств. Так же обогащались Геринг, Розенберг, Гиммлер, Зейс-Инкварт, Фрик, Штрейхер, Франк, Кальтенбруннер, Заукель, Кейтель, Йодль и другие подручные Гитлера. Их общей чертой было звериное человеконенавистничество. Когда читаешь очерки и памфлеты Галана, такие как «Карьера на экране», «Последние дни фашистской аферы», «Геринг», «Сверхчеловек», словно видишь зверинец кровожадных вурдалаков, способных на гнуснейшие преступления.

«Если бы не мелкая нацистская погань, Гиммлеру не хватило бы его собственных рук замучить 26 миллионов человек», — писал Галан с Нюрнбергского процесса. И кое-кого из этой погани он вытаскивал на белый свет. Вожак литовской националистической группы Климатис с согласия каунасского гестапо в течение нескольких ночей уничтожил вместе со своими молодчиками 3800 евреев и предал огню целые еврейские кварталы. Это был сигнал для больших действий националистов.

Нацист Бандера со своей кровавой сворой замучил десятки тысяч человек, разрушал украинские села с большим остервенением, чем сами оккупанты.

После капитуляции фашистской Германии пособники гитлеровского фашизма — бандеры, мельники, кубиевичи, климатисы, андерсовцы нашли себе приют в американской, английской и французской зонах оккупации. И писатель требует, «чтобы всех без исключения нацистских убийц постигла заслуженная кара, чтоб они предстали перед судом той страны, земля которой пропитана кровью их жертв».

В целом ряде своих произведений Я. Галан с нарастающей тревогой повторяет, что наказание главарей немецкого фашизма не ликвидирует окончательно фашистской опасности. Он обращает внимание на то, что скамьи подсудимых избежали крестные отцы и основатели фашизма — крупные немецкие капиталисты.

Советского писателя интересует уже не только зал заседаний, где решается судьба подсудимых, его глубоко тревожит факт, что империалисты, в первую очередь американские, создают условия, способствующие возрождению фашизма.

Жизнь полностью подтвердила справедливость тревоги Ярослава Галана, правдивость его предвидений. Американский империализм создал в Западной Германии благоприятные условия для возрождения фашизма. Ныне весь мир видит, что Западная Германия превратилась в опасный очаг международного напряжения, стала форпостом американского империализма, который вынашивает планы агрессии против Советского Союза и социалистических стран.

С благословения империалистов США к управлению Западной Германией, ее армией, экономикой пришли отъявленные реваншисты. Западная Германия на паритетных началах с США, Англией и Францией вошла в агрессивный блок НАТО, а бывшие гитлеровские генералы и офицеры занимают командные и ключевые посты как в возрожденном по фашистскому образцу бундесвере, так и в армии НАТО.

Значение антифашистских произведений Галана трудно переоценить. Они написаны с глубокой ответственностью за судьбу человечества и мира, отличаются политической остротой, актуальностью, высоким художественным уровнем.

В свое время я спросил писателя Юрия Ивановича Яновского, с которым Ярослав Галан был на Нюрнбергском процессе, какого он мнения о Галане-журналисте.

— Другого такого журналиста, публициста, памфлетиста, как Галан, у нас нет, — восторженно ответил Юрий Иванович. — Ярослав — эрудит, художник, полемист, политик и безусловно журналист международного класса. Я был поражен его знанием языков:

немецкий, французский, итальянский, польский, еврейский, русский, любую газету или документ, взяв в руки, он перелистывает, читает и что-то записывает. Удивляли также его оперативность в работе, интерес ко всему, исключительное умение «искать», «поднимать» темы, проблемы, его настойчивый труд над обработкой материала. О, Галаном мы можем по праву гордиться!

Газета «Правда» назвала Ярослава Галана «пламенным борцом против католической реакции». Когда еще и еще раз перечитываешь произведения Галана, направленные против папского Рима, католицизма и религиозного мракобесия, то убеждаешься, что писатель проделал по-настоящему гигантскую работу, обогатив мировую атеистическую и антиклерикальную литературу.

Под талантливим пером Я. Галана оживала страшная история Ватикана, римских пап и других титулованных вожakov католицизма. Они не интересовались царством небесным, их интересы были связаны с самой черной и самой грязной реакцией. Преступление, жульничество, шантаж, подкуп и продажность, интриганство и спекуляция, прямое участие в заговорах империалистических поджигателей войны против мира и прогресса — это только часть послужного списка «наместников бога на земле», которые стали объектом творческого внимания писателя. Я. Галан показал, что на протяжении всей своей истории Ватикан — эта метрополия католического гангстерства — всегда искал опоры в самых реакционных режимах, надеясь вместе с ними дойти до всемирного господства. Канул в лету варварский гитлеровский фашизм — Ватикан вместе со своей многомиллионной армией черноризников стал под агрессивное знамя американского империализма.

Заправила Ватикана объявила войну лагерю социализма, силам мира и прогресса. В папском послании 13 июля 1949 года провозглашается отлучение от церкви всех, кто признает коммунистические и социалистические идеи или сочувствует им. «Единственное мое утешение в том, что я не одинок, — иронически писал Галан в памфлете «Плюю на папу!», — вместе со мной папа отлучил по меньшей мере 300 миллионов человек, и это дает мне возможность вместе со всеми ними в полный голос заявить: «Плюю на папу!»

Большую и полезную работу провел Ярослав Галан в деле разоблачения унии, которую еще Иван Франко назвал «хищной волчицей». Представленные в этом сборнике «Апостол предательства», «С крестом или с пожом?» — только незначительная часть из написанного Я. Галаном на эту тему.

Говоря о зарождении унии, писатель показывает борьбу украинского народа против воинствующего католицизма и наступления на Восток Ватикана в тесном союзе с польскими магнатами и немец-

кими завоевателями для захвата русских, украинских и белорусских земель и порабощения трех братских народов.

Я. Галан вскрывает тщетные усилия папских агентов-иезуитов пустить униатские корни в Москве, подлые и жестокие методы установления унии в Закарпатской Украине, «где союзниками унии стали плеть и виселица», грязные, насильственные методы униатов в Западной Украине, в Белоруссии.

Жестокий униатский фанатик епископ Йосафат Кунцевич был настоящим палачом белоруссов и, как писал его современник, творил «дело страшное, невообразимое, варварское, лютое». Галицийской разновидностью Кунцевича был епископ Йосиф Шумлянский, насаждавший унию такими же насильственными методами, как и его белорусский тезка. Свирепым янычаром на поле унии был митрополит граф Андрей Шептицкий — ватиканский кандидат на «Восточного папу», шпион, лицемер, послушник Вильгельма II, Пилсудского и Гитлера, опекун буржуазного национализма в Западной Украине.

Характеризуя апостолов унии, униатских заправил, Ярослав Галан на основании неопровержимых фактов доказал, что все они были врагами украинского народа, что уния была опорой фашизма и буржуазного национализма на землях Западной Украины и Закарпатья и заклятым врагом Советского Союза. И с 1946 года уния перестала существовать в этих областях.

В своих произведениях Ярослав Галан вел непримиримую борьбу и против украинского буржуазного национализма. Его произведения на эту тему представлены в сборнике памфлетами и фельетонами «Чему нет названия», «Пан Фиалка», «Люди без родины».

Украинские буржуазные националисты с одинаковым яростным предательством и бесстыдством холопствовали перед польской шляхтой и немецкими фашистами, а теперь с собачьей преданностью служат американскому империализму. Их породила черная измена, и они шляются по свету, как неприкаянные бродяги. Петлюры, коновальцы, мельники, бандеры, лемники, донцовы и иже с ними — это люди без родины, «которые очутились теперь за дверями истории».

Убийцами, вурдалаками, фашистским зверьем называет писатель националистических гайдуков Гитлера, ставших теперь покорными пособниками империалистов. Как презренные империалистические холуи, они найдут свой бесславный конец под чужим порогом, ибо, говорит писатель, «нет пяди украинской земли, которая приютила бы этих каинов».

Гневно клеймя националистов и фашистов всех мастей, Ярослав Галан был пламенным проповедником интернационального братства

трудящихся всего мира, певцом дружбы народов, и в этом великое благородное значение его творчества и деятельности.

Радуюсь свободе, государственности, счастью украинского народа, он всегда напоминал о дорогой цене крови, которую отдали за это лучшие сыновья нашего народа. И вместе с этим он указывал, что усилия одних украинцев в борьбе за свою свободу и счастье были бы напрасны, если бы не помощь братских советских народов и в первую очередь русского народа.

«В пролитой крови много братской, русской. Она обильно лилась везде, где решалось «быть или не быть» народам, где смертельный бой шел за их свободу и счастье. Громадные пространства между Волгой и Берлином усеяны могилами москвичей, туляков, сибиряков, как и грузин, армян, азербайджанцев — героев великого дела. Их героизм и самоотверженность были беспредельны. Да будет такой же наша любовь к ним!»

И украинский народ верен призыву своего любимого писателя.

Ярослав Галан завещал нам неустанно крепить братскую дружбу советских народов, еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии, уверенно ведущей наш народ к коммунизму, и сам навечно остается с нами как живой пример верного служения партии, народу.

Поэтому так велика любовь народа к Ярославу Галану. А любовь народа — песокрушима.

Ю. Мельничук

ПАМФЛЕТЫ

АВАНС

Наместник и палач Чехии и Моравии Гейдрих был срочно вызван в Берлин. Мимо его машины пролетали села и города, на опустевшей дороге лишь изредка попадались прохожие. Угрюмым взглядом встречали они чёрного провозвестника смерти. Внезапно послышалась короткая, резкая автоматная очередь. В тот же миг всесильный повелитель и палач чехов, истекая кровью, как мешок повалился на колени своего спутника.

А через полчаса на улицах Праги засуетились побледневшие, напуганные эсэсовцы. «Наместник тяжело ранен,— за поимку виновных немецкое правительство назначает награду в десять миллионов крон»,— кричали крупным шрифтом объявления. «В протекторате объявляется осадное положение; кто из чехов появится на улице после шести часов вечера, будет расстрелян!» — вещали еще более крупным шрифтом другие. Наспех мобилизованное гестапо приступило к работе. Через сутки после покушения было опубликовано сообщение о первых казнях: была расстреляна чешская семья из шести человек, среди них — две женщины и шестнадцатилетний юноша. С часу на час ожидали очередного списка расстрелянных.

Гейдрих был когда-то офицером. Уличенный в краже денег, он вынужден был оставить армию. Благодаря этому нацистская партия обрела еще одного члена и пламенного сторонника Гитлера. В 1940 году имя Гейдриха становится известным. За короткое время он истребляет восемьдесят тысяч поляков. Впоследствии Гитлер посылает своего способного ученика в Югославию; здесь Гейдрих отмечает свое пребывание пятьюдесятью тысячами повешенных и расстрелянных сербов. То же самое кровавое дело он совершает потом в Норвегии. Осенью 1941 года он получает задание расправиться с чехами. В своей пражской усадьбе Гейдрих неутомимо подписывает смертные приговоры.

Когда ему уже казалось, что он окончательно справился с гордым, непокорным народом, ему присылают из Берлина поручение немедленно выехать во Францию, Бельгию и Голландию, чтобы и там потопить в крови освободительные стремления народов. Он проводит в этих странах реорганизацию гестапо и при каждом удобном случае издает приказы о массовых арестах и казнях.

Теперь работу палача Гейдриха взял на себя его заместитель генерал Курт Далюге. Над Чехией нависла кровавая мгла нацистского террора. Но чешский народ не оставляет борьбу ни на час. У каждого чеха только одна мысль: пробил час расплаты с врагом. Эта мысль порождает не только отдельных героев, она охватила весь народ и весь народ подняла на войну против оккупантов. Эта война вошла в фазу, когда никакое осадное положение, никакие расстрелы не остановят ее, не задушат. Чем больше чешской крови прольют гитлеровские садисты, тем ожесточеннее будет сопротивление потомков Гуса и Жижки. «Белая гора не повторится больше!» — эта клятва стала для чехов законом и боевым лозунгом в героической освободительной эпопее, разгорающейся сегодня по всей Европе, везде, где свирепствует волчья свора Гитлера, везде, где слово «свобода» звучит как набат.

Этот набат, зовущий к свободе, зазвучал теперь во всех странах от Средиземного моря до Нордкапа. Почти одновременно с покушением на Гейдриха неизвестный норвежский патриот убил выстрелом из револьвера шефа гестапо Западной Норвегии и его помощника. Через несколько часов после этого село, в котором были убиты

гестаповцы, сжег дотла карательный отряд, все мужчины были арестованы, а их семьи вывезены в неизвестном направлении. Несколько дней тому назад литовские патриоты убили двух нацистских служащих. Оккупанты ответили на это расстрелом четырехсот заложников. На действия польских партизан гитлеровцы отвечают привычной иступленной жестокостью. Они расстреливают, они вешают, они гноят в концлагерях лучших представителей польского народа. Пришло известие о мученической смерти в одном из нацистских лагерей гордости польской литературы и науки, известного всему миру переводчика французских классиков, члена Союза советских писателей Украины, профессора Тадеуша Бой-Желенского. Но ни его смерть, как бы она для нас всех ни была тяжела, ни смерть неисчислимых безыменных героев порабощенной Европы не спасут нацистских извергов от расплаты, не отведут карающую руку, уже сегодня сжимающую их горло.

Народы Европы проснулись. Три пули в хребте палача Гейдриха—это только аванс. Приближается час окончательной расплаты.

Это будет суд, какого еще не знала история...

КАРЬЕРА НА ЭКРАНЕ

Надо сказать, что Геббельс и его приспешники изрядно потрудились, чтобы доставить Международному военному трибуналу достаточное количество материала против нацизма и нацистов. Один из таких документов невольного самообвинения мы рассматривали сегодня в течение целых четырех часов. Это был монтаж из отрывков гитлеровской кинохроники, которая рисует зарождение, годы «расцвета» и месяцы гибели немецкого фашизма. Конечно, авторы фильма, среди которых была одна из любовниц Гитлера Лени Рифенсталь, не думали и не гадали, что их детище будет со временем свидетельствовать против своих родителей, как не подозревал и Розенберг, что редактировавшийся им «Фелькишер беобахтер» станет одним из главных свидетелей обвинения на Нюрнбергском процессе.

Первые шаги Гитлера — мюнхенский путч. Люди в панике бегут по улицам, падают на мостовую, убитые или раненные фашистскими пулями. Это первые из будущих миллионов жертв самой кровавой реакции в истории человечества.

После водевильного заключения в тюрьме крикливый Адольф Гитлер с усиками шотландского терьера снова на свободе. Крупп фон Болен не дает и не даст ему пропасть: мы снова видим Гитлера на трибуне, снова слы-

шим его истерический лай. Перед нами с каждым разом все чаще мелькают фигуры его прислужников. Их с каждым разом все больше сравнительно с крохотной мюнхенской шайкой.

Мечты фашистских авантюристов перестают быть мечтами. Гитлер выходит из дворца президента Гинденбурга с назначением на пост рейхсканцлера в кармане. Геринг развалился в кресле председателя рейхстага. Мюнхенское собрание бандитов пришло в Германии к власти.

По улицам Берлина снуют автомашины с штурмовиками. С утра до вечера не утихает вой распоясавшихся погромщиков. В центре Берлина горят книги, горит разум и совесть Германии.

На экране передвигаются длинные колонны нацистских головорезов. В каждом кадре фильма назойливо лезет в глаза фашистская свастика. Бесконечные марши и демонстрации фашистских бандитов по разным поводам, в тысячах вариантов. Основным местом этих театрализованных зрелищ становится Нюрнберг, стены которого, покрытые средневековой плесенью, казались гитлеровцам наилучшим инкубатором «нового порядка» в Европе. На огромнейшем стадионе Гитлер ежегодно принимает парад своей орды. Постепенно штурмовики и лопатники из «организации Тодта» преобразуются в прусских гренадеров, а первое место, рядом с трибуной фюрера, занимают генералы. Ораторские судороги Гитлера с каждым разом больше и больше напоминают военный танец краснокожих. Теперь уже ни у кого не может быть сомнения, что этот шут готовит мировую войну.

Начинается игра с открытыми картами. Немецкие войска входят в Рейнскую область. Их гусиным шагом любят нагитлеризованные жители Дюссельдорфа. На последующих кадрах усатые фельдфебели ломают шлагбаум на австрийской границе. Гитлеровские самолеты гудят над кружевом венской ратуши.

Мюнхен. Гитлер решительным движением перекраивает карту Чехословакии, а Геринг радостно потирает руки. Март 1938 года. Подлый фашистский наймит Гаха проходит вдоль выстроенного Гитлером почетного караула. Через несколько часов после этого немецкие танки мчатся по улицам онемевшей от неожиданности Праги. Теперь очередь за Клайпедой. Еще один пограничный

шлагбаум трещит под руками обмундированных колбасников.

На очереди — Польша. Теперь уже получили слово немецкие пушки. Эскадрильи бомбардировщиков Геринга собирают богатую жатву смерти и развалин.

Адольф Гитлер принимает парад немецких «добровольцев», возвратившихся из Испании,— вот яркий документ гитлеровского «нейтралитета» в испанском вопросе. Эти основатели франкистской Испании вскоре ему понадобятся.

Весна 1940 года. Войска Гитлера неожиданно врываются в Норвегию и Данию. Через два месяца после этого от града бомб горит Роттердам. Капитуляция петеновской Франции в Компьенском лесу. Гитлер на радостях чуть ли не танцует.

Дальше разворачивается безумная программа «завоевания мира». Немецкие войска ворвались в Югославию и Грецию. В антрактах между одной и другой победами Берлин до хрипоты кричит «хайль!».

Наконец, последняя фаза кровавой забавы. «Народ господ» марширует на Восток. К микрофону берлинской радиостанции подходит Геббельс. В одну минуту его крикливый голос поднимает немцев с постелей. «Фюрер еще раз вручил судьбу Германии в руки немецкого солдата»,— кричит Геббельс. В эту минуту немецкий солдат поджигал первые советские села, а воздушные пираты Геринга уже возвращались на свои базы после первых налетов на наши города.

Новые кадры. Гиммлер в искалеченной, разоренной столице Советской Белоруссии. Он самодовольно, с садистской усмешкой проходит вдоль колючей проволоки, за которой умирают от голода и жажды советские военнопленные.

Быстрыми шагами приближается последний час гитлеровской Германии. Стихли крики «хайль!». Позабыты крикливые нацистские съезды в Нюрнберге. Гитлер еще корчит перед объективом веселые гримасы, но причин для хорошего настроения у него с каждым разом все меньше. Миновало время, когда он музыкой и парадами встречал своего итальянского союзника Бенито Муссолини. Теперь мы видим совсем иную картину встречи этих друзей по разбою: освобожденный эсэсовцами из-за решетки Муссолини скромно, словно побитая собака, кла-

няется на берлинском аэродроме своему освободителю, который на сей раз не собрался даже выставить в честь «дуче» почетный караул...

Шайка гангстеров, сидящих сейчас на скамье подсудимых перед трибуналом народов, вместе со всеми присутствующими в зале смотрела фильм, который так пространно рассказывает об их преступной «карьере». Впрочем, сомневаемся, что от этого улучшилось настроение подсудимых. Кто же из них еще верит сегодня, что он будет иметь физическую возможность видеть на экране конец своей карьеры? Вероятно, никто.

1945

ГЕРИНГ

Герман Геринг еще и сегодня весит сто десять килограммов. На первый взгляд это не Геринг, а баба, толстая, пятидесятилетняя баба-торговка.

И эта баба, баба с подстриженными волосами, сидит перед вами: ноги ее укутаны в одеяло, а держится она так, словно и впрямь на базаре. От ее внимания не ускользает ни одно слово. Во время перерыва она развешивает уши то влево, то вправо, злыми, заплывшими салом глазами водит по всему залу и с любопытством пристально присматривается к каждому новому лицу. Когда в руках защитника появляется газета, баба вытягивает шею из складок красного платка и бегаем глазами по страницам, ища свою фамилию. А когда фамилия находится, улыбка удовлетворенного честолюбия растягивает ее тонкие губы до ушей.

Так непринужденно продолжает вести себя Геринг и во время заседания суда. Он живо, чересчур живо реагирует на все, о чем говорят вокруг: водит головой то сверху вниз, то слева направо. Улыбается — если в сторону трибунала, то льстиво, если в сторону обвинителей, то с провоцирующим сарказмом.

Особенно недоброжелательно относится Геринг к свидетелям обвинения. Сначала смотрит на такого свидетеля взглядом змеи, словно желая его загнипнотизиро-

вать, а когда это не помогает, торговка начинает жевать проклятья, сжимает руки в кулаки и кладет их перед собой, как две ручные гранаты.

Чрезвычайно раздражают бабу-Геринга свидетели обвинения из прежних ее подчиненных. Тут уже темперамент этой ведьмы не знает удержу. Когда палач Украины и Польши, генерал СС Бах-Целевский, сказал и о Геринге несколько слов правды, тот не выдержал и зашипел по адресу генерала: «Шелудивый пес...»

...Но вот баба вынырнула из шалей и платков и взгромозилась на свое место за пультом для свидетелей.

Уже первое впечатление от ее слов подтверждает общепринятое мнение о ней: эта баба честолюбива до крайности, до безумия.

Так и слышишь все время: «Моя авиация», «Моя промышленность», «Моя политика», «Такой риск, как гнев Гитлера, только я мог взять на себя», «Только я как пламенный патриот»...

Когда свидетель защиты Мильх, желая спасти Геринга, говорит об его отсутствии на одном из совещаний, тот с возмущением восклицает:

— Не может быть, чтобы таких-то господ фюрер пригласил, а меня нет...

Пьяный от самовлюбленности, Геринг порой сам лезет на рожон. Вот его слова на одном из заседаний, слова, тщательно застенографированные и старательно записанные на пленку, как и все сказанное на процессе.

— Я приказал работать над созданием самолетов, которые могли бы достигать США и возвращаться на свои базы... Я приказал также работать над улучшением типа снарядов «фау-1» против Англии и очень сожалею, что у меня этих «фау» было так мало.

Геринг не лишен также и чувства юмора:

— По примеру США мы с фюрером решили объединить власть премьера и власть президента.

На вопрос обвинителя, остается ли он сторонником теории «народа господ», Геринг с усмешкой отвечает:

— Нет, я никогда ее не признавал. Если кто-нибудь и в самом деле является господином, то ему никогда не следует это подчеркивать...

В своих показаниях Геринг очень охотно рассказывает о черных делах Гитлера. Когда речь идет о самых тяжких преступлениях, он, как правило, перекладывает от-

ветственность за них на Гитлера (или Гиммлера). При этом Геринг дискредитирует своего фюрера утонченно, по-своему, словно мимоходом, нечаянно, истины ради.

Геринг—правда, отдельными мазками—рисует портрет Адольфа Гитлера: кровавого комедианта-параноика и обыкновенного мазурика с шарлатанским амплуа. Он с злопахательским скрежетом зубов рассказывает о том, как нахально «фюрер Великогермании» крал украденные им, Герингом, картины. Он, чуть ли не причмокивая от удовольствия, рассказывает нам истории—срывает один за другим лавровые листики, которыми так добросердечно венчали голову Гитлера Геббельс и геббельсята.

В 1943 году, в день разгрома немцев на Кавказе, Гитлер укорял Йодля в том, что тот повел войска через Эльбрус. Йодль вспыхнул:

— Мой фюрер! Ведь вы сами приказали мне это сделать...

Услыхав об этом, Гитлер отвернулся и вышел, не простившись со своим фельдмаршалом. «Он даже имел намерение сместить Йодля, а на его место поставить окруженного тогда в Сталинграде фон Паулюса. Фон Паулюса,— добавил Геринг, смакуя,— к которому Гитлер имел особенно большое доверие...»

Говоря об украинских (и не только украинских) националистических телохранителях нацизма, Геринг с подчеркнутым презрением кривит губы:

— Я их глубоко презираю, но ведь во время войны берут то, что есть под рукой.

И Геринг действительно брал все, что попадало «под руку». А «под рукой» у него было в то время немало всякой всячины, и не только квислингов и квислинжат. Одних лишь художественных ценностей он «собрал» у себя на сумму пятьдесят миллионов марок золотом. Набрал он их со всех концов Европы, не забыл и об эскизах Альбрехта Дюрера из львовских музеев.

Герман Геринг начал свои показания с краткой, удивительно краткой автобиографии. Он не без гордости информировал своих судей о том, что его отец был в свое время губернатором немецких колоний в Восточной Африке. К сожалению, он не добавил при этом, что его высокочтимый папаша поголовно уничтожил многотысячное туземное племя гереров. Причина—пассивное со-

противление колонизаторам. Методы его убийства были, наверное, источником вдохновения для Германа в его будущих делах. Все племя, вместе с грудными детьми, было изгнано Герингом-отцом из своих жилищ в пустыню, где за несколько недель погибло от жажды и голода.

Один из свидетелей рассказывает о концлагере в Маутхаузене. Геринг слушает внимательно, но, как всегда в таких случаях, лицо его неподвижно, застыло в напряженном ожидании. У нас создается впечатление, что перед вами не Герман Геринг, изобретатель и организатор Маутхаузенов, а беспристрастный эксперт, которого лишь на несколько дней пригласили в суд.

«Комендант Маутхаузеновского концлагеря обратил внимание на исключительно красивые зубы двух молодых евреев, привезенных сюда из Голландии. Несчастливым вырезали желудки и по одной почке, потом впрыснули им в сердце бензин, головы отрубили, а после соответствующего препарирования этих голов, комендант лагеря поставил их у себя на письменном столе».

Геринг слушает и глазом не моргнет. У него за пазухой готов уже «контраргумент»: рассказ о еврейской семье Баллин из Мюнхена. Этот рассказ немного погодя вытащит из-за пазухи защитник Штаммер, который вложит его в уста свидетеля генерала Боденшаца. О том, как Геринг спас эту семью от своих же рук, своевременно выслав ее как будто за границу.

Почему именно семью Баллин и почему только ее? Потому что семья Баллин во время мюнхенского путча спасла Герингу жизнь. За эту свою фатальную ошибку семья Баллин двадцать лет спустя удостоилась награды: она стала единственной из миллионов еврейских семей, которой Геринг любезно разрешил жить. Разрешил этой семье жить для того, чтобы она сегодня его вторично спасла, на сей раз от виселицы. Так выглядит двойная бухгалтерия арийской морали, которую вела рука образцового арийца.

Свидетель, статс-секретарь Пауль Кернер, одна из живых карикатур Гросса, ближайший клевет и наушник рейхсмаршала, типичный гомункулус из реторты Адольфа Гитлера, во время допроса назвал Геринга «человеком Возрождения». Что или, точнее говоря, кого подразумевает Пауль Кернер под словом «Возрождение», не трудно догадаться. Возрождение — это для него не Пет-

парка, не Леонардо да Винчи и не Микеланджело; это прежде всего и исключительно кровавый тиран Людовик Сфорца, безгранично распутный Цезарь Борджиа и достойный своего сына папа римский Александр VI, прозванный своими современниками воплощением антихриста.

— В тысяча девятьсот двадцать втором году я получил в СА наивысший командный пост, какой только можно было получить,— хвалится на процессе Герман Геринг. О том, почему именно он, Герман Геринг, получил этот «пост», говорит нам история первых лет нацистской партии: не было тогда почти ни одного «мокрого дела», следы которого не вели бы к кабинету Геринга.

Опыт создает мастера. Когда в голову Геббельса зародилась идея поджога рейхстага, он знал, что ее лучше всего может выполнить Геринг. Сегодня «человек Возрождения» удивленно пожимает плечами, когда ему напоминают об этой истории. Он как будто забыл даже фамилию главного участника поджога—фюрера СА Эрнста, который, предчувствуя смерть от руки Геринга, оставил нам письменное свидетельство, описывающее не только роль Геринга в поджоге, но и технические подробности этого предприятия. Эрнст? Живот Геринга трясется от смеха. Да, хорошая идея была с этим Эрнстом! Под шумок 30 июля не трудно было перенести своего пособника в лоно Авраама. Иначе за этим пультом появился бы еще один лишний свидетель и была бы еще одна лишняя неприятность...

Ему читают показания генерала Гальдера:

«Как-то в небольшом кругу завязался разговор о рейхстаге. Геринг сказал тогда: «Единственный человек, который знает как следует рейхстаг, это я. Потому что я его поджег».

В ответ Геринг легкомысленно машет рукой. Глупости, мол, обыкновенные сплетни. Да неужто рейхстаг стоил того, чтобы его поджигать? Другое дело, если бы речь шла, например, об оперном театре. И тут же этот бессменный глава нацистского рейхстага добавляет:

— Опера всегда была для меня чем-то более важным, чем рейхстаг...

Есть ситуации, когда даже на скамье подсудимых Геринг возвращается к роли первого шефа гестапо, не смотря на то что в этом случае весь аппарат Геринга

состоит лишь из одного человека: его адвоката. Но оказывается, для шантажа и этого аппарата достаточно. Не лучше ли всего продемонстрировал это случай со свидетелем Шахта, известным уже сегодня Гизевиусом, человеком 2 июня... и американской разведки, и автором неприятной для Геринга книги о «третьем рейхе». Накануне выступления свидетеля к нему пришел адвокат Штаммер и, не церемонясь, сказал:

— Мой клиент предупреждает вас, чтобы вы были осторожны в своих показаниях, иначе... гм!..

Но на беду Геринга случилось так, что Гизевиус не испугался этого «гм» и рассказал столько новых подробностей из биографии рейхсмаршала, что даже доктор Штаммер схватился за голову...

Однако еще «более яркий» материал дают фрагменты стенографического отчета совещания Геринга с рейхс-комиссарами оккупированных областей и представителями военного командования о продовольственном положении. Совещание происходило в четверг 6 сентября 1942 года «в зале Германа Геринга» в министерстве авиации.

«Геринг. ... Я вижу, что люди в любой оккупированной области жрут до отвала... Боже мой, ведь вы посланы туда не для того, чтобы работать ради благополучия порученных вам народов, а для того, чтобы выкачать оттуда все возможное, ради того, чтобы могли жить немцы. Этого я жду от вас. Нужно наконец прекратить эту вечную заботу об иностранцах...

...Неподалеку от границы Рурской области находится богатая Голландия. Она могла бы послать сейчас в эту изнуренную область значительно больше овощей, нежели это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично. Вообще в оккупированных областях меня интересуют лишь те люди, которые работают на вооружение и обеспечение продовольствием. Они должны получать столько, чтобы в состоянии были выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне совершенно безразлично, ибо если они действительно германцы, то тем более они дураки, а что надо делать с глупыми немцами, уже показали в прошлом выдающиеся личности...»

Теперь Геринг продемонстрирует нам свои чувства к другим странам.

«...Я забыл об одной стране, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это Норвегия. Что касается Франции, то я считаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совершенно иначе, если крестьян там немного по-иному принуждать к работе. Кроме того, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам...»

«...Я ничего не скажу, наоборот, я обиделся бы на вас, если бы мы не имели в Париже чудесного ресторанчика, где бы могли как следует поесть. Но мне не доставляет удовольствия, что французы лезут туда. «Максим»¹ для нас должен содержать самую лучшую кухню. Для немецких офицеров и немцев, а ни в коем случае не для французов, должны существовать три-четыре первоклассных ресторана. Французам такая пища не нужна...»

«...Однако речь идет не только о продуктах питания. Я часто заявлял, что смотрю на Францию как на завоеванную область, хотя пока что мы ее только оккупировали. Когда-то все это выглядело значительно проще. Тогда все это называли разбоем. И это соответствовало формуле: забирать то, что завоевали. Теперь формы стали более гуманными. Несмотря на это, я имею намерение грабить, и грабить эффективно».

Дальше: «Вы должны быть как легавые собаки там, где есть что-нибудь такое, что можно взять. Это нужно молниеносно вытащить из складов и доставить сюда».

Мы увидим, что этот «государственный муж» не питал теплых чувств даже к такому сокровищу французов, как Пьер Лаваль. Обжора Геринг и в этом случае остается верен себе: он явно переживает, опасаясь, чтобы Лаваль, чего доброго, не съел в ресторане «Максим» всех шицелей. Вот его слова:

«Теперь вы мне скажете: внешняя политика Лавалья. Господин Лаваль успокаивает господина Абеца, и господин Лаваль, выходя от меня, может пойти в закрытый ресторан «Максим»... Какие французы нахальные, этого вы и представить себе не можете. Когда эти друзья чувствуют, что дело касается немца, они начинают лихоимствовать, поднимают цены втрое, а если хочет что-нибудь купить рейхсмаршал (то есть Геринг.— Я. Г.), то и в пять раз...»

¹ «Максим» — название ресторана.

Легко себе представить, как широко раскрылась пасть Геринга, когда он перешел к дальнейшей теме своего доклада — о советских оккупированных областях:

«А теперь о России. Не может быть никаких сомнений в том, что почва там плодородная. Я должен высказать большую признательность за то, что в южных районах — я пока что видел лишь южные районы — удалось несмотря на огромные трудности, провести с помощью армии сев... Эта страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Пастбища Дона сделают остальное. Но, дорогой генерал, никогда больше не рассказывайте фюреру, что вы маршируете по степи, когда вы лезете в сметану...»

Чем дальше говорит Геринг о богатствах советской земли, тем больше растет его аппетит. Тут выясняется, что он великий любитель икры.

«Я надеюсь, что скоро у нас будут копильни, или, в худшем случае, мы их откроем и сможем пропустить через них в большом количестве неслыханное рыбное богатство Азовского и Каспийского морей. Генерал Вагнер, икру мы поделим пополам: половина армии, а половина фатерлянду, конечно, как только мы туда придем».

Конечно, не пришли. И никто за это не может иметь претензий к Герингу...

Еще короткая цитата, которая показывает дискуссионные приемы «человека Возрождения». На этом же совете попросил слова один из его подчиненных, комиссар «Остланда» Лозе. Он жалуется на рост партизанского движения и требует у Геринга военных подкреплений.

«Геринг. Вы же получаете батальоны?»

Лозе. Несколько батальонов для территории побольше Германии.

Геринг. Я подарю вам Буцефала. И тогда вы будете напевать хорошенькую песню: «Мы помчимся в Остланд...»

Комиссар жалуется также на отсутствие рабочей силы, которую из-под носа забирает у него «рейхсминистр» Заукель.

«Лозе. Я не могу спасти урожай и содержать в порядке хозяйство. Мне нужны люди для работы. В Эстонии так сложились обстоятельства, что много тысяч дворов не имеют уже мужской рабочей силы.

Геринг. Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы большой лгун...»

Под конец совещания Геринг ставит точку над «и».

«Геринг. ...Господа, я должен заявить следующее. У меня чрезвычайно много работы, и я несу большую ответственность. У меня нет времени читать письма и записки, в которых вы сообщаете, что не можете выполнить того, чего я от вас требую. У меня хватает времени только на то, чтобы на основании кратких сообщений Бекка изредка узнавать, выполняются ли мои требования. Если они не будут выполняться, в таком случае мы должны будем встретиться с вами в другом месте...»

И — встретились. Только не так, как хотелось Герингу, и не там.

1946

ИОАХИМ ФОН...

Иоахим фон Риббентроп. В роли подсудимого он чувствует себя скверно, за несколько месяцев постарел на десять лет. Гораздо лучше он чувствовал себя в роли министра, хотя об этом периоде своей жизни Риббентроп говорит теперь совсем неохотно.

На процессе выплыли пикантные подробности этого периода.

Когда Риббентроп впервые сел в министерское кресло на Вильгельмштрассе, он был для нацистского деятеля человеком очень «жалким»: винное предприятие и скромный домик — вот все, чем мог в то время похвалиться Иоахим фон.

На протяжении двух (буквально двух) лет он сумел догнать остальных своих коллег по кабинету. За это время у него появилось шесть имений. Первое из них насчитывало «лишь» тысячу семьсот пятнадцать гектаров пахотной земли и леса (Риббентроп — страстный охотник). Второе — не меньше — возле Аахена, два других — в Словакии.

Очень «романтична» история приобретения Риббентропом последнего из шести его имений — живописного замка в Тироле. Рейхсминистр влюбился в этот замок до такой степени, что не давал покоя хозяину усадьбы графу фон Ритену. Но тот не проявлял ни малейшего

желания расставаться с родовым именем. Неосторожный фон Ритен, он не знал, что этим подписывает себе смертный приговор.

Вскоре терпению Риббентропа пришел конец. При первом удобном случае он рассказал Гитлеру об упрямом австрийском аристократе, который так откровенно демонстрирует свое презрение к министру «третьей империи». Да, это было возмутительно. Гитлер почувствовал себя оскорбленным не меньше, чем Риббентроп. Мотивы, которыми руководствовался в этом деле Риббентроп, нисколько не волновали фюрера. Земные блага существовали прежде всего для его клеветов. Он знал цену этим благам: они самых отъявленных жуликов делают неподкупными, на их золотой цепи даже тигры становятся дворняжками.

Гитлер снимает трубку и вызывает Геринга.

— Будет сделано! Будет сделано, мой фюрер...— тихо, спокойно отвечает Геринг.

— Он тоже успел разжиреть на моих хлебах...

...Геринг умел в таких случаях сдерживать свое слово. На следующий день к графу явились гестаповцы и показали ему приказ об аресте. Он начинался словами: «По приказу фюрера...». Теми же самыми словами ответил родственникам графа Геринг, когда они пытались спасти узника.

Иоахим фон Риббентроп стал полновластным хозяином конфискованного замка. Возражений юридического характера не было и не могло быть: за несколько месяцев своего пребывания в концентрационном лагере фон Ритен превратился в тень. И однажды эту тень достигла милостивая пуля эсэсовца.

Сегодня об этих деталях из житья-бытья Риббентропа-министра Риббентроп-подсудимый не только говорит неохотно. Он их просто... «не помнит»... Не помнит он ни случая с фон Ритеном, ни о такой же, точно такой же истории с работником его министерства Лютером, который имел неосторожность поссориться со своим шефом.

— Меня не было при этом, и я не помню...— вот стереотипный ответ Риббентропа-подсудимого, когда его спрашивают о не совсем приятных для него вещах. Он называет даже причину этой исключительной в истории медицины слабости памяти — бром. В последние годы карьеры Риббентропа нервы его были так напряжены,

так напряжены, что он вынужден был принимать бром. В таких больших, невероятно больших дозах...

На этом заканчиваются жалобы фон Риббентропа. Оказывается, на службе у Гитлера он потерял не только память, но и собственную индивидуальность. Об этом заявляет на суде предусмотрительный свидетель Риббентропа, его личный секретарь, Маргарита Бланк: «Господин фон Риббентроп подчинял свои мысли мыслям фюрера. Мысли Гитлера были его мыслями...»

Короче говоря, не министр, а автомат. Забыл только Риббентроп, да и забыли его свидетели, что, если автомат делает какую-нибудь пакость, его тоже... ломают.

Риббентроп и в своей камере, и в зале заседаний с большим увлечением читает рассказы Гофмана. Может быть, поэтому он так свободно чувствует себя в роли игрушки-автомата. Он так глубоко вошел в эту роль, что, когда вспоминает о Гитлере, его бас становится еще более бархатным, а в глазах появляются слезы, выдающие его растроганность. Он и сам способен поверить в сверхестественную силу фюрера, если бы это могло хоть немного уменьшить тяжесть его ответственности за все содеянное. Но эти тонны, тонны обвинительного материала! Они ломают, уничтожают, сметают так старательно продуманное, взвешенное и выученное на память построение защиты.

Пока Риббентроп отвечает на вопросы своего адвоката, все, кажется, идет у них как полагается. Совсем неожиданный у тщедушного Риббентропа бас гудит равномерно и плавно, переливаясь лирическими полутонами. Плывут, словно заученная декламация, фразы, гладенькие, подстриженные, начищенные до блеска; даже не зная как следует правил пунктуации, вы чувствуете, где точка, где запятая и где тире. У вас порою впечатление, что это не суд, а конференц-зал на Вильгельмштрассе, и что гер-рейхсминистр проводит как раз пресс-конференцию, и эластичная речь породистого дипломата заверяет слушателей в исключительном миролюбии нацистского правительства.

Картина меняется — и очень меняется, — когда место защитника занимает обвинитель. Тогда рейхсминистр на наших глазах превращается в хитроумного школьника, у которого учитель во время экзаменов забрал из-под носа шпаргалку. Сначала школьник смущается, цедит

слова скупю, аптечными дозами, ссылается на болезнь, а потом с горя стремглав бросается в болото словоблудия.

Язык дипломатии многословен, но не каждое слово дипломата является истиной, сказал на процессе Риббентроп.

Обвинитель, к которому были адресованы эти слова, укоризненно покачал головой:

— Разве в дипломатических переговорах нельзя сказать хотя бы долю правды?

Иоахим фон Риббентроп сидит насупившись. Его мозг лихорадочно работает, ища в закоулках памяти случая, когда бы он, Риббентроп-дипломат, сказал правду. Тщетно — такого случая не было. Риббентроп нервным движением поправляет галстук, поднимает глаза и рисует ими в воздухе большой эллипсовый круг.

— Возможно, что иногда возникла такая ситуация, когда я был вынужден говорить...

Тут необычайное для Риббентропа слово «правда» застревает у него в горле. Он мысленно перелистывает свой путанный словарь дипломата и в конце находит:

— Резким языком.

Представитель обвинения продолжает наступление:

— Как вы это понимаете?

Подсудимый явно шокирован таким бестактным, по его мнению, вопросом. Словно примирившись с этим, он жестом мученика скрещивает руки на груди и со всепрощающей, отцовской усмешкой отвечает:

— Когда мы хотели создать ситуацию силы, нам приходилось говорить резким языком...

Обвинитель одобрительно кивает головой. Риббентроп осознает свой промах, но — поздно. Инстинктивно отстраняет от себя микрофон и жмурит глаза, хотя в зале горит столько же ламп, сколько горело их минуту тому назад. Теперь он будет поосторожнее.

Проходят часы, дни, Риббентроп выкручивается изо всех сил, напрасно пытаясь утопить смысл своих ответов в воде многословия.

На вопрос представителя советского обвинения генерал-лейтенанта Руденко, почему Риббентроп произносит речи там, где для ответа достаточно одного слова: «да» или «нет», тот, не заикнувшись, отвечает:

— То, что я говорю так много, объясняется состоянием моего здоровья...

Но вопрос дает результаты. Понятно, лишь на короткое время — через полчаса, через час с Риббентропом опять происходит спасительный «припадок» многословия. Но пока что он ограничивает себя до минимума, до минимума такого же путаного и изворотливого, как и все предыдущие ответы Риббентропа.

— Значит, вы не считаете захват Чехословацкой республики агрессией? — спрашивает генерал-лейтенант Руденко.

— Нет, это была необходимость, вызванная географическим положением Германии.

— А нападение на Польшу?

— Нападение на Польшу было вызвано позицией других стран.

— А нападение на СССР?

— В буквальном смысле слова, это была не агрессия. Агрессия, это... очень сложное понятие...

Разделавшись так с определением агрессии, Иоахим фон Риббентроп искоса посматривает на стену, где позолоченные стрелки часов по-прежнему показывают двенадцать часов. Еще целый час остается до спасительного перерыва. Риббентроп вытирает пот с носа, хотя из-за решеток бесчисленных вентиляторов веет почти могильным холодом.

Иоахиму фон Риббентропу становится душно и — тесно. Тесно, как в гробу. Губы Риббентропа жадно ловят воздух, у него теперь вид человека, который вдруг заглянул в глаза безжалостной смерти. Палач народов в эту минуту не думает о тех людях, которых по его категорическому требованию Хорти предавал кремационным печам Освенцима. А этих людей было шестьсот тысяч...

Но о них думает в этот черный час Иоахим фон Риббентроп. Из его опухших от сдержанного плача глаз вот-вот польются слезы, и «рейхсминистр» заплачет о собственной судьбе. К другим слезам он не способен. Чересчур мала для этого у него душа и — чересчур подла.

1946

КОГДА УБИЙЦА СМЕЕТСЯ

Среди нюрнбергских подсудимых наглее всех ведет себя Ганс Франк — бывший гитлеровский генерал-губернатор Польши. Когда обвинители зачитывают документы, касающиеся гитлеровских концлагерей, он презрительно закусывает губу и раскрывает уголовный роман; когда говорится об истязаниях детей и женщин, он скалит зубы и подпрыгивает на скамье от смеха.

Цинизм или идиотизм? И то и другое. Но, кроме того, есть еще одна причина самоуверенности Ганса Франка: он потерял чувство времени. Ему кажется, что Нюрнберг — это Лейпциг и что здесь его юридическая эквилибристика даст такие же результаты, как на Лейпцигском процессе. Франк просто не может понять разницы между обоими процессами, до его сознания не дошла еще такая простая истина, что в то время, как лейпцигский процесс был началом его карьеры, нюрнбергский — ломает ее окончательно.

Я писал уже о тактике, так старательно и так скрупулезно построенной Франком и его защитником. Эта тактика — «моя хата с краю», Франк, дескать, был только жертвой фатального стечения обстоятельств, чем-то вроде нацистского Дон-Кихота, чьи благородные порывы всегда сводил на нет грубый гестаповский Санчо Панса...

Такая тактика, может быть, и могла бы иметь некоторый смысл, если бы не... тридцать шесть толстенных томов дневника Ганса Франка. Он не надеялся, должно быть, что найдутся человеческие руки, которые сумеют со дна огромнейших сундуков вытащить на дневной свет эту своеобразную исповедь, исповедь, на которую может быть только один ответ: крепкая пенёчная петля.

Как известно, уже через несколько дней после завоевания Польши Гитлер назначил Ганса Франка генерал-губернатором этой страны. Мюнхенский адвокат торжествует, его час пришел. В новеньком лимузине Франк въезжает во двор знаменитого Вавельского замка. С путеводителем Бедекера в руках он ходит по палатам польских королей и спесиво выставляет вперед грудь. Здесь, где жил некогда Казимир Великий, будет проживать Ганс... великий. Коль скоро тот перестроил деревянный Краков на каменный, этот сделает нечто большее: каменный переделает в деревянный. Ганс Франк знает, как надо управлять этой страной!

Новоиспеченный сатрап с достоинством садится за огромный письменный стол. Этот стол только что привезен из города, однако на нем успела уже засохнуть кровь из раскроенной головы собственника-еврея. О Германия Нибелунгов, твое время настало!

Ганс Франк чувствовал дыхание истории, когда его рука выводила на первой странице первого из будущих тридцати шести томов:

«Конец прежнему руководству. Подчиняюсь непосредственно фюреру».

Несколько дней спустя Ганс Франк был уже в курсе государственных дел. Его перо торопливо повторяет для истории слова, произнесенные им же, Гансом Франком, в присутствии Геббельса:

«Полякам можно дать лишь такую возможность образования, которая довершала бы их роль рабов немецких господ. Так что речь может идти о скверных фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Так сказал гитлеровский Заратустра.

Была в Польше золотая осень. Сквозь открытые окна дворца льется лирический шум каштанов. Дрожащей от радости рукой Ганс Франк писал:

«15 сентября 1939 года я получил задание управлять завоеванными восточными областями и наистрожайшее

указание беспощадно разрушать эти области как территорию войны и как трофейную страну, сделать грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

Позднее краковский Маккиавелли позарился на лавры своего флорентийского предшественника:

«Мои отношения с поляками — это отношения между лемехом и тлей. Коль скоро я обрабатываю поляка и, так сказать, дружески щекочу его, то я это делаю, надеясь, что мне вознаграждением за это послужит продуктивность его труда. Здесь речь идет не о политической, а о чисто тактической, технической проблеме».

Известно, что не только поляки были объектом этих хитроумных экспериментов Ганса Франка. Все мы знаем, как охотно подставляли Франку свои пятки бандеры и мельники, и знаем, что от этой шекотки продуктивность работы желто-блакитных нацистов на пользу Германии и впрямь выросла до такой степени, что они в братском согласии работают для нее еще и сегодня. Тем более что хозяин их мыслей — Ганс Франк — сидит уже не в Кракове, а на нюрнбергской скамье подсудимых.

Надо объективно признать, что Франк смотрел не только в сегодняшний день, но и в будущее. Он раскрывает планы немецкого господства и пишет:

«Тот империализм, который мы развиваем, нельзя ни в коем случае равнять с теми жалкими опытами, которые делали бывшие правительства Германии в Африке».

Желая во что бы то ни стало перекрыть вильгельмовских колонизаторов и убийц трехсот тысяч негров в Камеруне, Франк заявляет:

«Ни один поляк не может быть рангом выше рабочего. Ни одному поляку не может быть дана возможность получить высшее образование, а также получить работу в общегосударственном порядке».

И это был только первый шаг. Дальнейшие шаги также были predetermined. Поздно вечером 30 мая 1940 года Франк, слегка опьяневший от запаха цветущих каштанов, записывал в своем дневнике:

«В ближайшем будущем станет ясной необходимость проведения чрезвычайной умиротворяющей операции».

Больше нежели аромат расцветающих каштанов опьяняет Франка запах человеческой крови. Бывший мюнхенский канцелярист знал уже ее вкус. Она стала

для него наркотиком, который из гнома делал исполина и давал гному чувствовать счастье быть господином жизни и смерти миллионов человеческих существ. И гном записывает в своем дневнике:

«Мы должны уничтожать евреев, где бы их ни встретили и где только будет это возможно».

На этих нескольких фразах не кончаются историко-философские размышления генерал-губернатора. 14 июня 1940 года он собственноручно поставил противникам Германии такой диагноз: «Франция умирает и должна умереть, так как она верит в жизнь и сопротивляется реформе. И мировая империя — Англия — также должна приблизиться к своему концу. Пришла пора Германии, она лишь начинается».

Однако не только Франция сопротивлялась гитлеровской «реформе». Ганс Франк скоро находит выход:

«Кто нам подозрителен, тот должен быть немедленно ликвидирован».

Через некоторое время он записывает:

«Я хотел бы подчеркнуть одно: нянчиться мы не обязаны, когда мы слышим о 17 тысячах расстрелянных».

А немного спустя, выступая на нацистском собрании в Жешуве, переименованном хозяйственным Франком в Рейхсгоф, он заявляет (и тотчас же увековечивает это в дневнике):

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: мой фюрер, я докладываю, что я опять уничтожил 150 тысяч поляков, то он ответил бы: прекрасно, если это было необходимо».

Управляя таким образом поляками, Франк не забывал и об украинцах...

5 августа 1942 года он констатировал:

«Я должен отметить, что в интересах немецкой политики следует поддерживать напряженные отношения между поляками и украинцами. Те 4 или 5 миллионов украинцев, которые живут здесь, очень важны как противовес полякам. Поэтому я всегда стараюсь поддерживать среди них любым способом политически удовлетворительное настроение, чтобы избежать их объединения с поляками».

Каких это украинцев имел в виду Ганс Франк, мы знаем, как знаем и то, что «политически удовлетворенные» украинские нацисты из подворотни Бандеры и

Мельника послушно делали политику Франка, с остервенением вырезая поляков. Не отставала от них также и польская агентура мюнхенского Ганса, уничтожая, по его заданиям, украинское население Холмщины...

Правда, их дальнейшую судьбу заботливый и благодарный Ганс Франк также обдумал. 12 января 1944 года на совещании руководителей немецкого сельского хозяйства, которое состоялось в живописном курорте Закопане, генерал-губернатор сказал (и записал):

«Как только мы выиграем войну, тогда, я полагаю, поляков, и украинцев, и все то, что путается вокруг, можно превратить в рубленное мясо».

Судьба, а говоря проще, Красная Армия, не позволила Франку выиграть войну. Именно в то время, когда генерал-губернатор ждал только весны, чтобы перестроить Вавельский замок на свой вкус, ему пришлось бежать из этого замка.

Осатаневший канцелярист убежал, но он оставил после себя множество трупов.

Сегодня этот горе-юрист сидит перед нами со скрещенными руками на груди и то и дело вздрагивает от циничного смеха. Когда смотришь на него, ненависть и омерзение перехватывают твое дыхание и становится томительно при одной мысли о том, что ты вынужден дышать тем же самым воздухом, что и этот кровавый пигмей, что и этот классический продукт фашизма, и что эта страшная, душераздирающая карикатура человека, карикатура, имя которой Ганс Франк, все еще имеет возможность существовать.

Мы знаем, никакая сила не воскресит миллионы жертв. Но не смолкнет голос нашей совести и не успокоится сердце, пока Ганс Франк, убийца народов, не ощерит хищных зубов в последней, уже смертельной, гримасе.

НА ДНЕВНОЙ СВЕТ

Первая фаза Нюрнбергского процесса окончилась на последнем документе, зачитанном представителем обвинения. Страшна тяжесть всех этих документов. Под ними подсудимые согнулись в три погибели, и коль скоро сегодня на их постаревших лицах и промелькнет иногда циничная улыбка, то это уже только проявление того, что у немцев называется «юмором висельника».

Нет причин для непринужденного юмора и у адвокатов подсудимых, хотя им наконец и предоставлено слово. Что бы они ни делали, до каких бы трюков ни доходили, какие бы образцы красноречия ни показывали, уничтожающая для подсудимых нацистов правда не перестанет от того быть правдой, и она заговорит в конце концов словами сурового приговора.

А пока что она говорит на языке все новых и новых фактов. Это будет продолжаться до тех пор, пока последний документ из тайных нацистских архивов не будет вытащен на дневной свет и пока последнему свидетелю немецких преступников смерть не закроет рот.

Известно, какую услугу немецкой клике оказал пожар рейхстага, который произошел тринадцать лет тому назад. Эта первая гитлеровская провокация должна была открыть «тысячелетнюю эру» фашистского господства над миром. С той памятной для народов

Европы ночи начался страшнейший период в их жизни. Кровавое зарево над Берлином было только провозвестником того пожара, который со временем охватил несколько континентов, а вопль первых жертв нацистского террора оповестил мир о приходе кратковременной, к счастью человечества, «эпохи» майданеков и освенцимов.

Тайна поджога рейхстага не была тайной. Подлинные поджигатели были известны с первой минуты, не было только всей суммы изобличающего материала. Не так давно его нашли в одном из архивов гестапо.

Речь идет о письме группенфюрера СА Карла-Эрнста, адресованном на имя его друга Гайнеса. Оба нациста были приверженцами Рема, и этим самым объясняется появление этого письма. Эрнст знал, что Геринг и Геббельс готовятся к расправе над своими вчерашними сообщниками. Он выяснил, что силы будут не равны. Эрнст не сомневался в том, что он станет первой жертвой господствующей клики, которая хочет воспользоваться любым предлогом, чтобы ликвидировать опасных свидетелей.

И вот Эрнст поспешно пишет письмо Гайнесу и отправляет его с просьбой вывезти документы за границу. Эрнст рассчитывает, что в случае ареста он сможет этим письмом шантажировать своих палачей и таким образом спасет себе жизнь.

Однако день расправы наступил значительно раньше, чем ждал его группенфюрер СА. Документ попадает в руки гестапо. Эрнст и Гайнес гибнут, и только через двенадцать лет американская полиция находит письмо в одном из гестаповских сейфов.

Этот документ заслуживает того, чтобы познакомиться с ним поближе. Вот он:

«Я, нижеподписавшийся, Карл-Эрнст, СА-группенфюрер Берлин — Бранденбург, прусский государственный советник, родившийся 1 сентября 1904 года в Берлине — Вильмерсдорф, настоящим описываю пожар рейхстага, к которому я был причастен. Я делаю это по совету моих друзей, потому что есть основания считать, что Геринг и Геббельс преступно покончат со мной.

В случае моего ареста необходимо дать понять Герингу и Геббельсу о том, что этот документ хранится за границей. Я заявляю, что 27 февраля 1933 года я

вместе с названными унтерфюрерами поджег немецкий рейхстаг. Мы сделали это, будучи убеждены, что таким образом послужим фюреру и движению. Мы сделали это, чтобы дать фюреру возможность сокрушить марксизм. Я не раскаиваюсь в этом. По разработанному нами плану Гайнес, Гельдорф и я должны были произвести поджог 25 февраля, за восемь дней до выборов. Геринг заявил, что он предоставит нам чрезвычайно сильный горючий материал, который займет к тому же немного места.

Во время очередного совещания, которое состоялось на квартире Геббельса и на котором не было Гельдорфа, потому что он в то время выступал на предвыборном митинге, Геринг предложил, чтобы мы воспользовались подземным коридором, который вел из его дома к рейхстагу,— это была бы самая удобная дорога с минимальным риском. Мне было поручено найти подходящих людей. Геббельс советовал произвести поджог не 25 февраля, а 27, потому что 26 февраля было воскресенье, когда выходили только утренние издания газет, а это не дало бы нам возможности полностью использовать пропагандистский эффект пожара. Было решено начать поджог около девяти часов вечера, чтобы можно было еще использовать и радио. Потом Геринг и Геббельс согласовывали различные способы направить подозрение на коммунистов.

Мы с Гельдорфом трижды обошли подземный коридор, чтобы обстоятельно сориентироваться в нем. Кроме того, Геринг вручил нам план служебных помещений и пояснил нам, когда и по каким коридорам ходит поверяющий караулы. Как-то во время таких посещений подземного хода нас чуть не накрыли. Караульный, который услышал, вероятно, наши шаги, изменил свой обычный маршрут. Мы спрятались в тупике.

За два дня перед поджогом мы спрятали в этом тупике горючий материал, который дал нам Геринг. Это была небольшая бутылка с самовозгорающимся фосфором и несколькими литрами керосина. Геринг должен был быть в назначенное для поджога время не дома, а в министерстве внутренних дел».

Далее провокатор Эрнст разоблачает роль оказывавшего помощь провокатора ван дер Люббе:

«За несколько дней перед упомянутым событием Гельдорф рассказал нам, что в Берлине появился парень, которого, вероятно, удастся привлечь к участию в поджоге. Мы условились о том, что ван дер Люббе влезет в окно ресторана, имеющегося при рейхстаге, потому что этим путем туда легче всего попасть. Если его при этом поймают и даже если на несколько минут запоздаем, то нам не будет грозить никакая опасность. Ван дер Люббе должен до последней минуты верить в то, что он пришел один».

Далее Эрнст подробно описывает свой «подвиг». Нацистский провокатор причмокивает, рассказывая о деталях своего преступления. И надо признать, что это была работа профессионального поджигателя. Наука «толстого Германа» не прошла даром...

«Я начал работу с зала кайзера Вильгельма. Мы создали большое количество очагов пожара между залом кайзера Вильгельма и залом пленарных заседаний, так как намазали стулья и столы фосфорным составом. В то же время мы вылили керосин на гардины и ковры. Когда мы снова очутились в зале пленарных заседаний, не было еще девяти часов.

Точно в 9 час. 05 мин. все было готово. Мы пошли назад. В 9 час. 12 мин. мы были в машинном помещении. В 9 час. 15 мин. мы перелезли через стену».

Карл-Эрнст окончил свою работу. Ван дер Люббе сделал остальное, и уже через час Гитлер имел возможность объявить «крестовый поход» против коммунистов. А несколько дней спустя перепуганные бюргеры помогли нацистской своре засесть в министерские кресла и уже оттуда подготавливать поджог мира.

Как видно, огромны были заслуги Карла-Эрнста и ван дер Люббе перед «третьим рейхом». И именно в связи с этими заслугами оба провокатора вынуждены были распрощаться с жизнью. Язык ван дер Люббе одеревенел от удара секиры палача, язык Эрнста уничтожила 30 июня 1934 года кучка подручных прислужников Геринга. Признательность Адольфа Гитлера тоже ходила крутыми и кровавыми тропами.

Коль скоро предоставляем слово документам, пусть скажет свое слово бывший директор бывшего «немецко-советского общества воздушного сообщения» Георг Зоммер.

Двадцать седьмого июля 1934 года, то есть спустя год после поджога рейхстага, Зоммера вызвали по телефону в главное управление гестапо. Там советник Шульц дал ему секретное поручение: подготовить самолет для трех болгарских коммунистов, обвиненных в поджоге рейхстага, которые после скандального провала обвинения были оправданы судом. Шульц тут же уведомили Зоммера о маршруте самолета: Москва, с пересадкой в Кенигсберге.

На другой день были привезены на Темпельгофский аэродром. «Во время заправки самолета, — рассказывает сегодня Георг Зоммер, — подошел ко мне неизвестный прежде полицейский агент, показал свой документ и заявил тоном приказа, что этих трех обвиняемых нельзя было осудить из-за недостатка доказательств и все же они должны быть на всякий случай ликвидированы, и именно следующим образом: самолет разобьется на советской территории. Коричневый пакет, который агент имел при себе и в котором как будто были личные вещи трех арестованных, должен был находиться при пассажирах и послужить причиной катастрофы... Агент старался успокоить меня и заявил, что я должен рассматривать это поручение как приказ «высшего начальства».

Однако агенту не удалось успокоить перепуганного этим оригинальным поручением Зоммера. Побаиваясь судьбы ван дер Люббе, он выбрал меньший риск:

«Самолет поднялся в воздух около 8 часов утра. Во время смены самолета в Кенигсберге удалось предупредить мной директору Фетте выбросить пакет с адской машиной».

Легко себе представить настроение Геринга, когда он услышал по московскому радио голос Димитрова. Но тут уже Геринг был беспомощен: наказание трусливого Зоммера только наделало бы много лишнего шума. В конце концов неизвестно было, где следовало искать виновных — в Берлине или в Кенигсберге.

Сегодня Геринг, как и другие его сообщники, обезврежен. Рука его больше не будет убивать и не будет поджигать. Трибуналу осталось только поставить точку над «и». И она непременно будет поставлена.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОДНОЙ АФЕРЫ

Нет более жалкого зрелища, чем конец карьеры нацистских вершителей судьбы Германии. В роде человеческом было немало узурпаторов, более или менее жестоких, более или менее умных, но ни один из них не дал миру картины такого позорного распада, как это сделали творцы «третьего рейха» в час, когда история указала им на дверь.

Каждый новый день приносит нам новые документы, новых свидетелей. В хаосе противоречивых известий, слухов и обычных сплетен-небылиц вырисовывается постепенно картина последних дней гитлеровских Содома и Гоморры.

Вот какой представляется эта картина.

Двадцать четвертого апреля 1945 года Гитлер не выходит даже на пять минут из надежного бомбоубежища рейхсканцелярии. Полубезумный от отчаяния и животного страха, он напоминает зверя, неожиданно оказавшегося в клетке. С ним Ева Браун, Мартин Борман, шуриин Евы эсэсовский офицер Фегеляйн и Геббельс с женой, единственные люди, которых Гитлеру удалось заставить остаться в Берлине. Зачем? Этот вопрос он мог прочесть в заплаканных глазах Евы и на дрожащих губах Геббельса. Он до сих пор еще декламировал им о верности, о чести, он и теперь еще повторял им плакат-

ные лозунги вроде того, что не повторится больше 1918 год, но они чувствовали фальшь в выкриках «фюрера», они знали, что его самого загнал в этот подвал только страх да сознание того, что нигде и ни у кого не найдет он спасения.

Были минуты, когда Гитлера согревала надежда. Он, говорят, называл тогда имена Гиммлера и Геринга. Он ждал какой-то фантастической помощи, какой-то фантастической армии, которая сотворит чудо и прорвет железное кольцо советских войск, с часу на час сужающееся вокруг центра Берлина.

Рапорты командующих, изредка получаемые Гитлером по радио, говорили уже не об отдельных поражениях, а о полном разгроме, но он все еще не мог выйти из роли: писал никому не нужные приказы и часами лежал животом на карте, передвигая с места на место булавки с флажками.

На следующий день Гитлер дождался наконец известия от Геринга. Оно было недвусмысленным: с утопающего пиратского корабля удирала еще одна крыса, старая, жирнейшая из жирных.

Гитлер неистовствовал. Размахивая приказами об аресте Геринга, бегал он от стены к стене, бросая базарные проклятия. Гитлер вызвал к радиотелеграфу генерала авиации фон Грайма, и через несколько часов получил сообщение, что фон Грайм вылетел в Берлин в сопровождении сорока истребителей. Однако нервы Гитлера от этого не успокаиваются. Стены бомбоубежища дрожат от детонации, советские снаряды рвутся уже во дворе рейхсканцелярии.

Гитлер дает присутствующим в руки ампулы с цианистым калием. «Фюреру» не хочется умирать в одиночку, ему страшно самому отойти туда, куда он с таким легким сердцем отправлял миллионы человеческих жизней. Нет, мастер убийства не перестанет быть убийцей до последней минуты своей жизни!

Двадцать шестого апреля он принимает генерала фон Грайма и его пилота Анну Райч. Уже первый рапорт генерала звучал угрожающе: почти все крылатые конвоиры фон Грайма были сбиты по дороге в Берлин советскими истребителями. Сам фон Грайм почти чудом избежал смерти, его рука была залита кровью.

«Геринг — изменник, я издал приказ об его аресте. Главнокомандующим немецкой авиацией я назначаю вас, генерал. А теперь вы возвращайтесь и бросьте мне на помощь все наличные силы немецкой авиации».

После этого Гитлер тянет полуживого генерала к карте и разъясняет ему ситуацию. Она, по его мнению, не окончательно безнадежна, ведь на помощь Берлину спешит армия генерала Венкса. Генерал молча склоняет голову, он терпеливо слушает бред «фюрера», хоть и знает, что все это выдумка, что никакой Венкс и никакая сила не смогут уже спасти нацистскую Германию и ее «фюрера».

На следующий день Гитлеру становится известно, что шурин Евы, Фегеляйн, достал где-то штатский костюм. Доказательство измены — налицо. Фегеляйн хочет жить. Фегеляйн не хочет умирать вместе со своим «фюрером». Гитлер тут же оглашает приговор. Через пять минут, невзирая на мольбы Евы, Фегеляйна расстреливают во дворе канцелярии...

Теперь Гитлер подходит к Анне Райч: «Вы принадлежите к тем, которые умрут со мной». Он вручает ампулы с ядом Анне и... генералу фон Грайму, после чего цинично добавляет: «Выбирайте себе сами дорогу на тот свет».

Двадцать девятого апреля пришло известие о Гиммлере. Его ближайший сотрудник сообщал о том, что Гиммлер решил взять на себя обязанности «фюрера» и обратился к союзникам с просьбой о перемирии. В лице Гиммлера с корабля убегала последняя крыса.

Убежище канцелярии напоминало теперь дом для умалишенных. Посиневший от бессильного гнева Гитлер что-то кричал, кому-то грозил кулаками. Очевидица этой испуганной сцены Анна Райч рассказывает: «Мужчины и женщины кричали от возмущения, отчаяния и страха. Гитлер был полубезумным от бешенства. Черты его побагровевшего лица нельзя было узнать. В убежище царили только безумие, отчаяние и ужас».

Кто-то вышел из подвала и тотчас вернулся: треск советских пулеметов докатился уже до двора рейхсканцелярии. Гитлер, полуживой от страха, созывает присутствующих на... военный совет. Этот совет длится недолго, генерал фон Грайм был единственным, кроме Бормана, лицом, которому можно было еще отдавать

приказы. «Наша последняя надежда,— стонал постаревший внезапно «фюрер»,— это Венкс. Летите и поддерживайте авиацию Венкса. А Гимmlера разыщите под землей— и под арест, под суд!»

Генерал вздыхает с облегчением, у Анны Райч заблестели от радости глаза: через час-два они вылетят из этого ада, у них еще есть шансы на спасение.

Ева Браун тоже хотела бы оставить этот страшный подвал...

Мюнхенская мещанка, одна из тех молодых актрис, которые собирают аплодисменты не за игру, а за красоту, она мечтает о большой карьере. Ей помогает фотограф Гитлера — Гофман. Киноактриса Лени Рифенсталь получает отставку, ее место занимает Ева. Проходят годы. Никому не известная прежде Ева Браун становится самой богатой женщиной Германии. Но кровавая звезда ее протектора начинает меркнуть, приближается конец. Рассудительная Ева довольна тем, что уже долгое время не видела его, она надеется, что о ней забыли. Напрасно! Когда предместья Берлина услышали музыку «катуш», старый палач посылает за Евой. Смертельно напуганную женщину привозят в пылающий город и прячут в подвал вместе с этой человеческой развалиной, которая с упорством кретина заставляет ее проглотить ампулу со смертоносной жидкостью. Ева не хочет умирать, она бьется в припадках истерики. Однако «фюрер» не выпускает ее ни на минуту из поля зрения. Внезапно мозг кровавого комедианта осеняет идея: он обвенчается с Евой. Уцелевшие эсэсовцы вытаскивают из какого-то подвала магистратского чиновника, и тот дрожащей рукой пишет брачный акт. Геббельс подписывает его как свидетель.

Теперь есть еще время сесть за государственные дела. Гитлер пишет два завещания, которые, как ему кажется, станут достоянием истории. Одно из них он называет «политическим», другое — «частным». В первом он торжественно именуется миролюбом и назначает кабинет, который «должен продолжать войну всеми средствами»... В частном завещании он заявляет о желании Евы Браун умереть вместе с ним.

Все эти бумаги Борман передает своему адъютанту, а восемь месяцев спустя они попадают в руки американской разведки.

На этом обрывается история преступления, имя которому было «третий рейх». Какова дальнейшая судьба главного героя этой грязной истории, еще и поныне окончательно не выяснено, неизвестно также, что произошло с Борманом. Пусть этим эпилогом самой большой в истории человечества криминальной аферы занимаются и в дальнейшем следственные органы. Задача человечества — сделать выводы. И эти выводы будут уничтожающими для строя, породившего такую гниль.

А это самое главное, и именно в этом состоит историческое значение Нюрнбергского процесса.

1946

СВЕРШИЛОСЬ!

Нюрнбергские виселицы сделали свое дело. Солидные ливерпульские петли окончательно уничтожили десять главных разбойников. Одиннадцатого — Германа Геринга — спас от виселицы цианистый калий.

Приняли заслуженную смерть те, что готовили кремационные печи для доброй половины человечества. Приняли ее так, как привыкли принимать массовые убийцы: с трясущимися коленями, с лицом, искаженным гримасой страха. Не выдержал своей роли и главнейший комедиант в этом ряду кровавых комедиантов — Герман Геринг. Уже на пятый день после оглашения приговора перо выпало из его дрожащих рук, и щедрый раздатчик смертей залез в самый темный угол тюремной камеры в животном ужасе перед концом. Убийца-циник Ганс Франк не отрывал носа от молитвенника и бил себя в грудь с такой силой, чтоб это раскаяние новоиспеченного католика услышала не только Ватикан, но и Межсоюзническая контрольная комиссия, в руках которой была теперь окончательная судьба Ганса Франка. Розенберг и Заукель, с легкой руки которых гибли миллионы человеческих существ, день и ночь надоедали часовым, не пришло ли им из Берлина помилование... Даже Кейтель и

Иодль, которые так хорошо чувствовали себя в роли «серых солдат», а услышав приговор, лишь просили заметить петлю пульей, перед казнью напоминали собой совершенно лишенную человеческого достоинства ветوشь.

Так вот в смердящей атмосфере страха, в состоянии полного морального разложения отошли во мрак небытия недавние тираны и палачи Европы.

Кое-кого может удивить резкий контраст между манерами нюрнбергских подсудимых во время процесса и их поведением перед лицом близкой смерти. Геринг за свидетельским пультом ничем не напоминал Геринга накануне казни. Выступая перед трибуналом, он вел себя иногда так, словно перед ним сидели не судьи, а «депутаты» гитлеровского рейхстага.

Не проявляли также особенной встревоженности ни Риббентроп, ни Кейтель, ни Штрейхер. Минутами казалось, что это не зал заседаний Международного трибунала, а дискуссионный клуб, в котором нацистские главари с большим или меньшим пылом обосновывают свою точку зрения. Что правда, то правда: они вели себя там даже слишком непринужденно.

На то были свои причины. Когда Геринг поднялся со скамьи подсудимых, чтоб занять место перед микрофоном, до конца процесса было еще очень далеко. Ежедневные порции газет, жадно читанных подсудимыми через плечи их защитников, будили у герингов надежды, что время работает в их пользу. После фултонской речи Черчилль вырос в их глазах в сказочного рыцаря, который в одно прекрасное утро откроет перед ними ворота на свободу и, припомнив их наклонности и способности, позволит бежать рядом со своей колесницей.

Они, как и все их единомышленники на воле, строили свои планы на вере в третью войну. Призрак третьей войны был для них доброй феей, которая могла вернуть их богатство, власть и возможность осуществления планов третьего рейха в рамках четвертого...

Они и их защитники с первого дня процесса, затаив дыхание, ждали разногласий между членами трибунала и со своей стороны делали все возможное, чтобы вызвать эти разногласия. К этим стремлениям они приспособили и свою тактику: льстивые улыбки и поддакивающие кивки головы были предназначены для британских обвинителей, а саркастические гримасы и притворная невнима-

тельность — для советских. Они пускались и на провокации. Маленькая, верткая фигура адвоката Зайделя появлялась за пультом защитника каждый раз, когда положение подсудимых нацистов требовало очередной помощи в виде отравленных стрел. Зайдель неделями носился с «советско-германским тайным договором 1939 года», намекая на что-то, нашептывая, окутывая свои недомолвки покрывалом нездоровой тайны. Когда же трибунал позволил ему зачитать «тайный договор», выяснилось, что никакого тайного договора не было, потому что оглашенный Зайделем текст ничем не отличался от официального... Но отравленная стрела была выпущена из лука, а этого именно и хотел адвокат дьявола.

У кого еще искали помощи нюрнбергские подсудимые? У немцев, у тех самых немцев, головы которых они покрыли несмываемым позором, страну которых они подвергли катаклизму невиданного разгрома. Когда во время допроса Геринга шла речь об ответственности немецкого народа за войну, «толстый Герман» великодушно возразил: «Немецкий народ не имел с этим ничего общего...» И это был только пробный шар. Принимая еще живые пронацистские симпатии закоренелого бюргера за голос немецкого народа, Геринг, а с ним и другие подсудимые, обращались теперь не столько к трибуналу, сколько к немецкой «улице».

Именно в том и надо искать основную причину самоуверенности подсудимых нацистов в дни процесса, самоуверенности, которая ничем не отличалась от обыкновеннейшего нахальства.

Сегодня от него не осталось и следа.

Расчеты на спасительный для Геринга и компании глубокий конфликт между союзными державами натолкнулись на неприятную для подсудимых действительность. Подвели их также надежды на различие мыслей у членов Международного трибунала, потому что если оно и было, то это не спасало нацистских душегубов от миллионнократно заслуженной кары. Наперекор сокровенным надеждам герингов, воля народов оказалась более сильной, нежели все закулисные махинации профашистских комбинаторов из породы мюнхенцев. Последнее слово на этом процессе произнесли двадцать шесть миллионов замученных, и это слово решило судьбу нацистских злодеев.

Не принесли герингам пользы и их заигрывания с немцами. Через час после объявления приговора улицы, ведущие к зданию нюрнбергского суда, заполнились многотысячными колоннами немецких рабочих. Правда, эти немцы пришли протестовать против приговора, но только против той его части, где говорилось об оправдании Шахта, Папена и Фриче... Такие же, только более массовые демонстрации состоялись в Берлине, Лейпциге, Гамбурге и других промышленных городах Германии. Именно под натиском этих немцев баварская полиция была вынуждена посадить Шахта за решетку через несколько часов после освобождения его из нюрнбергской тюрьмы. Последняя карта герингов была бита: немецкая улица, долгие годы обманывавшаяся герингами, немецкая улица заговорила наконец языком справедливого судьи.

На полях докладной записки адмирала Канариса, в которой речь шла об уничтожении гитлеровцами советских военнопленных, Кейтель в свое время написал: «Тут говорится об уничтожении целого мировоззрения, между тем я одобряю эти меры и покрываю их». Впоследствии, когда за «одобрения и покрывание» преступлений Кейтеля осудили к повешению, этот убийца вспомнил вдруг о «чести мундира» и вместо петли требовал себе «почетной» пули... Такова двойная мораль кейтелей, таково их «мировоззрение».

Просьбу Кейтеля не удовлетворили: он повис рядом с Риббентропом, Кальтенбруннером, Розенбергом, Франком, Фриком, Штрейхером, Заукелем, Йодлем, Зейс-Инквартом. Эпилогом их постыдной жизни могла быть лишь постыдная смерть. И она их встретила.

Так, и только так, могли погибнуть идеологи нацизма и главные проводники нацистского «мировоззрения», мировоззрения узаконенного каннибальства и непревзойденного варварства. Вместе с ними, на одиннадцатой невидимой виселице повисла тень трижды проклятого человечеством фашизма. И хоть посеянные ею зубы червона все еще всходят ядовитым бурьяном на полях обоих континентов, мы знаем: не топтать уже мира гитлерам, как никогда не подняться из могилы герингам.

Далек и тернист был путь вольнолюбивых народов к победе над черными силами нацистского варварства.

И коль скоро мы сегодня вздохнули с облегчением, узнав о казни главных виновников великой мировой трагедии, не забудем же отдать честь и земной поклон благодарности бойцам и офицерам Красной Армии, которые в страшной, неравной борьбе выстояли, победили и привели главных фашистских преступников на суд народов.

Это было более значительно, нежели подвиг. Это было осуществлением вековой мечты человечества о победе доброго гения над силами зла.

1946

В НЮРНБЕРГЕ ИДЕТ ДОЖДЬ...

Трудно завидовать жителям города, где осень, зиму и весну можно измерять только продолжительностью дня. С октября по сегодняшний день над Нюрнбергом висит, кажется, все одна и та же туча, мутная смесь пепла и сажки. Иногда утром северный ветер внезапно будит ее от летаргического сна. Тогда туча лениво колеблется над городом и только под вечер отползает к франконским горам, чтобы к рассвету снова осесть на изуродованных башнях собора св. Лоренца.

Новый день, как и вчера, рождается в тех самых потоках воды, что напрасно пытаются найти выход из лабиринта заваленных руинами улиц.

Автомашина с трудом пробивается сквозь море застывшей мглы, и только мрачные тени сосен вдоль дороги говорят о том, что город остался позади. Асфальт становится ровнее, постепенно исчезают мутные лужи. Один за другим мелькают мимо нас по-праздничному убранные, словно только вчера выстроенные франконские поселки. Их нарядные домики сливаются в перламутровую массу, и даже киноварь крыш теперь цвета размокшей глины.

В одном из таких поселков машина сворачивает в боковую улицу. Шофер выключает мотор перед зданием редакции немецкой газеты.

Поднимаюсь на второй этаж. В коридоре могильная тишина, словно тут не редакция, а картинная галерея в час, когда нет посетителей. Открываю первую дверь. Молодой человек в роговых очках встает из-за стола и, услышав слово «редактор», ведет меня в другой конец коридора.

Мои ноги тонут в пушистом ковре. Я в кабинете шефа редакции. Худощавый человек с морщинистым, желтым лицом высоко поднимает брови — и в глазах его искра дивления и тень страха. Редактор нерешительно подает мне руку. Увидев советский паспорт, он протягивает ее вторично. Тень в его глазах исчезла. Он предлагает мне сесть.

Я прошу его дать посмотреть несколько последних номеров газеты, так как из-за малого тиража их очень трудно достать в городе.

Редактор торопливо кивает головой.

— Фрейлейн Эдда!..

В дверях соседней комнаты появляется белокурая девушка лет двадцати. На ней темно-синее платье, на груди кокетливо поблескивает миниатюрное золотое распятие. Едва слышными шагами она направляется к шкафу и через минуту кладет на стол нужные мне газеты. Не поднимая головы, девушка уходит в свою комнату.

Пора бы и попрощаться, однако редактор просит меня побыть еще немного. Я благодарен ему за это. Правда, неудобно сказать этому человеку, что меня не так интересует его газета, как ее читатели.

Он рассказывает о долгих годах, проведенных им в Дахау. Говорит больше о других, чем о себе. Потом сразу замолкает и, словно вспомнив о чем-то, подходит к окну. Его подвижные и беспокойные глаза ищут кого-то на улице.

— Вы кого-то ждете? — решаюсь спросить его.

Редактор быстрым шагом возвращается на свое место. На его щеках красные пятна, он явно взволнован. Дрожащей рукой он зажигает спичку, и лицо его прячется на миг в облаке папиросного дыма.

— Нет, я никого не жду. Несколько первых недель ждал, а потом махнул рукой — что я им могу сказать, кроме нескольких туманных фраз о туманной демократии.

— Они...

— Они, как все живые люди, хотят знать, каким будет их завтрашний день, и хотят лепить этот день собственными руками.

— Вы уверены в том, что эти руки не вылепят Гитлера номер два?

Редактор кисло усмехается. Наклонясь над столом, он понижает голос до шепота:

— Они уже лепят его.

Он вытирает платком вспотевший лоб.

— Это только начало.

— В мои руки иногда попадают газеты вашей зоны. Жители Дрездена с утра до ночи восстанавливают свой город, и я знаю своих земляков: через несколько лет Дрезден опять станет Дрезденом. Мне рассказывали о дыме над заводами Восточной Германии. А что вы увидите у нас, кроме деревянных пуговиц да грошовых самоучителей английского языка? Библию? Ее популяризировал покойный Мартин Лютер. С каким эффектом — сами знаете. Сегодня — история повторяется. Фрейлейн Эдда!

Стук машинки стихает, я услышал деловитые шаги секретарши.

— Дайте нам, пожалуйста, синюю папку.

Не прошло и полминуты, как маленькие услужливые руки в кружевных манжетах положили перед нами синюю папку. Я заметил, что она была такого же цвета, как и платье фрейлейн Эдды.

Редактор встал.

— Читайте, я вам не буду мешать.

Я перелистал несколько страниц. Это была коллекция анонимных писем.

Ищу в первом из них хотя бы фиктивную фамилию. Вместо этого нахожу слова: «Проклятье вам, прислужникам американской плутократии. Придет время, и мы еще будем купаться в вашей крови».

Читаю дальше: «Наступит час расплаты с предателями, которые перед лицом жестокого, озверевшего врага (это комплимент по адресу американцев — основателей герсбрукского лагеря, где прячут нацистов и кормят их, как на курорте.— Я. Г.) называют немецкий народ виновником войны. Даст бог, который всегда был с нами, немцами, наступит это время раньше, чем кто-нибудь из нас ожидал».

Это уже немного интереснее. Но это только начало. Теперь что-нибудь про свободу слова:

«Почему сегодня каждый немец,— горько жалуется автор анонимного письма,— не имеет права сказать правду?»

Через несколько строк мы узнаем, о какой «правде» пишет автор письма.

«Почему сегодня никто не имеет права рассказать миру обо всех благодеяниях, которые принесли немецкие солдаты жителям оккупированных областей?»

Все это написано совершенно серьезно и даже с пафосом.

Еще одно письмо, под ним подпись: «Студенты Эрлангенского университета».

«Господин редактор! Вам не нравится наша демонстрация против вашего единомышленника Нимеллера? Ну что ж, продолжайте писать так. Скоро вы убедитесь, что ваши деревья не растут до небес. Вы уже однажды сидели, но вам, видно, придется еще раз сесть, если не перестанете писать возмутительные сказки о концентрационных лагерях, если не перестанете оплевывать наших великих патриотов, которых враги судят теперь, как «военных преступников». Предупреждаем вас!»

А вот передо мной целое послание — девять печатных страниц без интервалов. Автор его, как можно догадаться по стилю, является представителем нынешнего поколения немецких «интеллектуалистов». В самом начале он предупреждает, что с нацистами не имел и не имеет ничего общего. Между тем это нисколько не мешает ему писать такое:

«Нюрнбергский процесс — это затея, подобная рабочим забастовкам до прихода Гитлера к власти. Вы посадили немецкого медведя в клетку. Но этот медведь еще покажет свои когти — и тогда трепещите, враги!»

Из аккуратно сложенных и приколотых заботливыми руками фрейлейн Эдды писем я вынимаю зеленый конверт, который очутился здесь, наверное, на правах гостя для пополнения коллекции. На нем адрес редакции «Люнебурге пост» и штамп города Куксгафен (английская зона оккупации Германии). Автор отважился поставит в начале письма инициалы, желая, наверное, подчеркнуть таким образом свою непричастность к «вервольфу». Он, кажется, довольно искренне озабочен ростом нацистских влияний:

«...Несколько дней тому назад я ехал поездом Лангведеш — Бремен. В вагоне завязалась беседа, в которой скоро приняли участие все пассажиры. Речь шла о снижении продовольственных норм, о безработице, о том, что никто не знает, к чему все клонится. Кто-то из присутствующих заявил, что, если бы Гитлер срубил вдвое больше голов, не было бы этого горя. Он не успел сделать это. Я не выдержал и напомнил людям о миллионах замученных нацистами людей, назвав при этом наши концлагеря позором двадцатого века. Мои слова вызвали среди присутствующих такое возмущение, что я мог ожидать самого худшего. Какой-то прилично одетый господин сказал мне: «Еще одно ваше слово — и мы вышвырнем вас из вагона».

Растерянный автор письма заканчивает его такими словами: «Я не вижу выхода из этого тупика. Все это прежде всего является результатом двусмысленных и лицемерных методов английских властей, которые карают тюрьмой крестьянина за то, что он самовольно продал свинью... в феврале 1945 года, когда нами еще правил Гитлер, а между тем кормят целые дивизии матерых гитлеровцев. Вот почему в английской зоне немцы ругают томми. Этот факт не опровергается тем, что те или иные проститутки ходят сейчас с томми под ручку».

Я поднял голову. Мимо меня прошелестело прорезиненное платье фрейлейн Эдды.

— Грюс готт,— бросила она, закрывая за собою дверь.

— Интересный материал? — любезно спросил меня редактор и, не ожидая ответа, добавил: — У меня есть еще один документ, который в не меньшей мере вас заинтересует...

Он достал из кармана листок бумаги, но, прежде чем показать его мне, подошел к двери и заглянул в коридор.

— Прочитайте.

Это было одно из анонимных писем такого содержания: «Осужденных на бельзенском процессе лучших немецких людей повесили. Но немецкая молодежь отомстит за это. Жаль только, что перед приходом англичан не задушили газом всех этих заключенных. Мы проиграли войну из-за предателей. Теперь эти преступники ходят по белу свету и пишут в газетах. Но дрожите — вервольф не спит!»

Я был немного удивлен таинственным поведением редактора, потому что это письмо ничем не отличалось от предыдущих.

— Обратите внимание на букву «К». Она слегка наклонена вправо. Еще одна деталь: под восклицательным знаком только полточка. А теперь попрошу вас пройти за мной в ту комнату.

Редактор заложил в машинку лист чистой бумаги и выбил на нем букву «К», потом восклицательный знак. Точка под восклицательным знаком была сломана под таким же углом, что и в анонимном письме.

— Теперь вы понимаете, почему мои нервы не всегда в порядке?

Я смотрел на клавиши машинки, по которым несколько минут назад бегали пальчики фрейлейн Эдды.

— Я думаю, что вы сами усложняете дело...

Редактор вытащил из машинки лист и разорвал его на мелкие клочки.

— А кто даст мне гарантию, что вместо нее не придет худшая? Эта хоть старательно выполняет свои обязанности...

...Мы попрощались.

В нескольких километрах от города в моторе что-то подозрительно заурчало. Шофер остановил машину. Возле нас плакучая ива роняла обильные слезы. Я посмотрел вверх: на ее ветвях, покрытых едва заметным в этой проклятой мгле кружевом зелени, я впервые в этом году увидел весну.

И меня с невиданной силой потянуло домой, на родину.

ЛЮДИ БЕЗ РОДИНЫ

ЛЕМИКИ

Летом 1933 года в дверь виллы, в которой помещалось советское консульство во Львове, позвонил молодой человек. Войдя, он выразил желание поговорить с консулом. Когда посетителю ответили, что консул его принять не может, он быстро выхватил из кармана пистолет немецкой марки «парабеллум» и несколькими выстрелами убил первого попавшего ему на глаза человека. Жертвой убийства был работник консульства Майлов.

Едва прозвучал последний выстрел, как молодой человек стремглав бросился к двери. Однако, на его несчастье, дверь в доме открывалась и закрывалась автоматически. Напрасно убийца искал на стене спасительную кнопку, напрасно, бледный и перепуганный, метался он от окна к окну: решетка, которой он раньше не заметил, преграждала ему путь к бегству. Преступник, минутому назад со спокойным сердцем убивший ни в чем не повинного человека, теперь обезумел от страха... Холодный пот выступил у него на лбу: обессиленный, он забился в самый темный угол; там это дрожащее человеческое отребье ждало прихода полиции.

Это был Лемик, один из членов так называемой «Организации украинских националистов», руководимой формально полковником Коновальцем, а фактически —

разведывательным отделом немецкого генерального штаба. Лемик был только орудием. Вдохновители подлого убийства преспокойно сидели в Берлине и совещались с адъютантами Гренера и Гиммлера, а в свободное время фабриковали «идеологию» для своих темных дел, для грязных махинаций, перед которыми бледнеют подвиги «генерала Бо» — сверхпровокатора из царской охранки Азефа. Но Азефу не нужна была идеологическая надстройка, — его вполне удовлетворял звон золотых монет в кармане. Амбиция сверхпровокаторов из клики Коновальца шла значительно дальше. Выброшенные со сцены истории, они пытались попасть хотя бы на ее эстраду. Одетые в желто-блакитные мантии, они упрямо карабкались на нее, грозно потрясая щербатым трезубцем. Слова «Украина» и «украинский» не сходили при этом с языка этих самозванных жрецов «сверхпатриотизма».

«Сладко умирать за родину...» — шептали они на ухо своим лемикам, посылая их на «мокрое дело». Но когда перед глазами лемиков вставала смерть, то в большинстве случаев «националистическая надстройка» вмиг выветривалась из их сознания, нисколько не затрагивая сердец.

И тогда кандидаты в желто-блакитные мученики сбрасывали с себя терновые венки и, наплакавшись вдоволь на груди полицейского, одевали шапку-невидимку агента-провокатора на службе львовской или варшавской дефензивы.

«Родина» лемиков оказывалась мифом, и при столкновении с суровой действительностью этот миф рассеивался, словно отравляющий газ от сильного порыва ветра.

В ТЕНИ ПРУССКОГО ОРЛА

Родословная лемиков начинается с того времени, когда Коновалец, которого ныне нет в живых, носил еще на воротнике звезду австрийского лейтенанта. В начале первой империалистической войны Берлин стал Меккой, куда съезжались, словно ведьмы на Лысую гору, политические коммивояжеры желто-блакитной породы.

Конъюнктура для них была тогда благоприятна. Как в наши дни, так и прежде, Украина с ее богатствами играла большую роль в империалистических планах Германии. Наспех организованный немецким генштабом так

называемый «Союз освобождения Украины» должен был подготовить «кадры» для будущего марионеточного «правительства». А пока что одни кандидаты в министры с благословения кайзера организовывали шпионаж и диверсии в тылу царской армии, другие переводили на украинский язык немецкие пропагандистские листовки, а потом совали их в руки пленным украинцам.

Наиболее энергичные среди них образовали так называемые «стрелецкие сечевые части», задачей которых было вплетать новые лавры в сомнительный веночек «славы» австро-венгерской армии. Они и помогли Вене осуществить ее давнюю мечту: посадить на украинский престол одного из габсбургских эрцгерцогов.

Понятно, что вся эта политика не могла найти отклика среди широких украинских масс, несмотря на то что желто-блакитные агенты центральных держав охотно пользовались в своей работе антицарскими лозунгами. Полтавского крестьянина также трудно было оставить в дураках, как и харьковского рабочего, — и тот и другой прекрасно знали, что кандалы немецкого производства нисколько не легче царских наручников. Наоборот, знакомство с немецкими помещиками и фабрикантами на Украине убедило их в том, что в деле эксплуатации и угнетения пруссаки были и останутся непревзойденными мастерами.

В 1917 году желто-блакитным немецким агентам Зализняку, Донцову и Назаруку посчастливилось наконец выплыть на широкую арену. Им казалось, что настало их время. В Берлине внимательно читали их отчеты о выступлении Михновского на армейском съезде в Киеве. Читали и строили свои планы.

Эти планы встали перед миром во всей своей наготе на Брестской мирной конференции. С легкой руки генерала Гофмана за столом этой конференции оказались и украинские севрюки¹. Выпущенные из берлинской клетки желто-блакитные попугаи послушно повторяли то, чему их учили долгие годы немецкие хозяева, и услужливо кивали, слыша требования немецкой делегации, предъявленные советскому правительству. Когда же немецкий генеральский кулак стукнул по столу, и советским деле-

¹ А. Севрюк — член Украинской центральной рады. В 1918 году в Бресте предал украинский народ и раболопно согласился открыть немецким оккупантам путь на Украину.

гатам был предъявлен ультиматум в отношении Украины, и перед украинским народом во весь рост встала опасность австро-германской оккупации, националистические статисты на радостях запели «Осанна в вышних...» Вильгельму. Наконец, как им казалось, настало их время, а с ним возможность сменить лакейскую ливрею на министерский фрак.

Но жестокая судьба и на сей раз разочаровала лакеев, лишний раз показав им, что значительно легче надеть ливрею, нежели сбросить ее. В то время как украинский народ делами своих воинов начинал новую книгу своей славы, когда вся Украина поднялась на борьбу с немецкими оккупантами, подражатели Мазепы из Центральной рады не осмеливались выйти на улицу из приемных немецких столоначальников. Огни восстаний, вспыхивавших то в одном, то в другом конце нашей страны, тревожили и беспокоили испытанных в боях прусских генералов, а киевских «министров» приводили в ужас. Люди без родины теперь почувствовали, что значит ненависть великого народа, ненависть, которую нельзя было погасить никакими репрессивными мерами, потому что каждая пуля, выпущенная оккупантом или его гайдуком в жупане, была только лишней искрой, приближавшей минуту взрыва великого всенародного восстания.

Когда на смену политикам из Центральной рады пришел новый немецкий фаворит — Павел Скоропадский, положение от этого несколько не изменилось. Украина клекотала, Украина хотела жить по-своему. Она с одинаковым ожесточением уничтожала карательные экспедиции генерала Эйхгорна и синежупанников Скоропадского.

Всю силу народного ожесточения почувствовал Скоропадский осенью 1918 года, когда ему пришлось бежать в немецком санитарном поезде, бежать по тем же дорогам, по которым вскоре после этого улепетывали и его наследники из петлюровской школы.

Напрасно желто-блакитники пытались потом вырвать из истории эти черные, позорные для них страницы, напрасно националистические фальсификаторы слагали потом за границей легенды про свои «фермопилы» под станцией Круты, факт остается фактом: в те грозные годы их влияние никогда не выходило за круг, очерченный штыком интервента.

ВАРШАВСКИЕ МЕЛОДИИ

Еще одну попытку сесть на шею украинскому народу они предприняли в 1919 году. На этот раз вследствие временного бессилия берлинского протектора они заключили союз с Пилсудским, который тогда как раз готовил свой поход на Киев. Симон Петлюра, тот самый Петлюра, который зимой того же года патетически заявил, что его спор с поляками о Западной Украине можно решить только мечом, через несколько месяцев после того не только спрятал меч в ножны, не только поспешно признал претензии Пилсудского на Западную Украину, но и тайным договором отдал ему всю территорию по правому берегу Днепра, оставляя за собой лишь скромное право руководить Левобережной Украиной, да еще и под строгим контролем Варшавы...

Между тем Пилсудскому счастье сопутствовало еще меньше, чем Вильгельму II. Через несколько недель после начала своего наступления он думал уже не о Киеве, а о том, как бы удержать в своих руках Варшаву. «Правительство» Петлюры успело и на сей раз спастись бегством, перенеся свою столицу на колесах в Западную Польшу. Салон-вагоны с изображением трезубца навсегда застряли в глухом тупике станции Тарнов, а их пассажирам оставалось лишь одно: стареть на чужих хлебах и, старея, ожидать очередной конъюнктуры, искать новых меценатов политической проституции, достаточно сильных, чтобы наполнить разочарованные сердца «ботокудов»¹ новой надеждой на выполнение бредовых мечтаний.

АНТРАКТ

Ждать пришлось довольно долго. Но в этом антракте между двумя действиями — первой и второй мировой войнами — люди без родины не били баклуши. С одной стороны, они вновь сучили разорванную событиями нить, связывающую их с Берлином, с другой — они продолжали спекулировать на ягеллонской великодержавной мании Пилсудского. Чтобы не потерять формы, они подвизались одновременно во всех возможных контрразведках. Ольга Басараб самоотверженно работала

¹ «Ботокуды» — американские индейцы.

для немецкой, Петро Певный — для польской, Онацкий и Островерха — для итальянской. Одни, кандидаты в желто-блакитные мандарины, как Скоропадский и Коновалец, ждали лучшей поры под черными крыльями немецкой псевдореспублики, другие, как Андрей Левицкий и Дмитро Левицкий, — под белыми крыльями орла из-за Вислы.

Через своих агентов, которые были также агентами их хозяев, они и дальше пытались «стучать в сердца» украинского народа. Стучали обрезам и револьверами, стучали шпионством, саботажем и диверсионными актами, стучали живой пропагандой. Когда в ответ на это народ стукнул их под Базаром, стукнул их на процессе нового варианта Союза освобождения Украины — так называемой «Спілки визволення України», они подняли бешеный вопль о «красном терроре на Украине». Карлики с заплеванными от бессильной злобы бородами разбежались по Европе и карабкались на трибуны, с которых они призывали к «крестовому походу» против Страны Советов, в частности против Украинской Советской Социалистической Республики.

В ОБЪЯТИЯХ СВАСТИКИ

Эта шумиха не случайно совпадает во времени с приходом Гитлера к власти. Не случайно Милена Рудницкая облюбовала для своих антисоветских «крестоносных» выступлений трибуну женевского «Конгресса национальных меньшинств», руководимого матерым гитлеровцем. Пенсионеров из желто-блакитной малины Гитлер благословил на свою службу, а Геббельс дал им путевку в политическую жизнь.

Нужно заметить, что в то время желто-блакитники показывали пример «дисциплинированности». Как известно, так называемая Организация украинских националистов, пытаясь обмануть народ Западной Украины своей суррогатной «революционностью», с самого начала существования применяла тактику индивидуального террора против отдельных представителей польской администрации. Но достаточно было Гитлеру договориться с Беком, чтобы вожаки этой организации внезапно прекратили свой «террор». Больше того: когда некоторые дезорганизованные этой неожиданной переменой

тактики члены организации отважились протестовать, они расплачивались жизнью. Трупы юноши и девушки, найденные с простреленными головами на берегу одного из львовских прудов, весьма убедительно свидетельствовали о том, что для верховодов ОУН (Организация украинских националистов) интересы фашистской Германии были дороже, чем кровь и жизнь их товарищей по организации.

ДЕНЬ РАСПЛАТЫ БЛИЗОК

Но только в июне 1941 года люди без родины показали, на что способна каналья, превратившая политический бандитизм и предательство в свою профессию.

Еще танки гитлеровских псоглавцев не успели взять разгон, как желто-блакитники Западной Украины уже повытаскивали ножи из-за голенищ.

Едва оккупанты успели войти во Львов, как вся шайка вылезла из нор и бросилась убивать советских людей, соперничая в зверствах с фашистской солдатней. Почему? Прежде всего потому, что таков был приказ гестапо...

Польский писатель Жеромский, мечтая о будущей Польше, написал когда-то «Сон о шпаге». Желто-блакитники оказались значительно скромнее. Им снилась не рыцарская шпага, а обыкновенный шпицрутен немецкого полицмейстера.

Однако даже и этот их сон продолжался недолго, его прервала та самая рука, что вложила в их руки бандитский нож. Два вооруженных отряда, которые в первые дни войны немцы разрешили организовать галицийским «ботокудам», были разогнаны немецкими офицерами раньше, чем солдаты этих отрядов успели освоить прусский парадный шаг. Только изрядно постаревшим и беззубым ренегатам Гиммлер разрешил еще играть в политику, которая заключалась главным образом в перепечатывании материала из «Фелькишер беобахтер» на страницах «Краковских вестей»...

Двадцать пять лет советской власти — двадцать пять лет украинской государственности. Фашисты не считают нас за народ, они заклятые, неутомимые враги Украины, враги ее государственности. С ними мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. За их смерть, за нашу жизнь.

В жестокой борьбе объединился весь наш народ. В героизме боевых будней он строит себе памятник бессмертной славы. И чем ближе подходит день нашей победы, тем сильнее бьются простые и великие в своей простоте сердца советских людей.

И потому, чем ближе становится день расплаты, тем больший страх и отчаяние охватывают гитлеровских палачей Украины... Палачей и их подручных — людей без родины, это человеческое отребье, которое оказалось теперь за воротами истории, там, откуда есть только одна дорога — дорога позора и вечного забвения.

1942

ЧЕМУ НЕТ НАЗВАНИЯ

Четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. Когда в ее присутствии собираются жарить котлеты, она бледнеет и дрожит как осиновый лист.

Несколько месяцев назад в воробьиную ночь к крестьянской хате, недалеко от города Сарны, пришли вооруженные люди и закололи ножами хозяев. Девочка с ужасом в глазах смотрела на агонию своих родителей.

Один из бандитов приложил острие ножа к горлу ребенка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая «идея».

— Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы, чего доброго, не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубите ей свинины!..

«Хлопцам» это предложение понравилось. Они поставили с полок тарелки и миски; и через несколько минут перед оцепеневшей от отчаяния девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью тел ее отца и матери...

Вот до чего дошли вырожденки-бандиты, именующие себя «украинскими националистами» — бандеровцами, бульбовцами, мельниковцами. Их деятельность за последние годы — это непрерывная цепь диких зверств, чудовищной разнузданности и непревзойденных провокаций.

В январе 1940 года в ОУН произошел «раскол»: Бандера откололся от Мельника, гестаповские близнецы разошлись. Этого требовали интересы близнецов, этого требовали интересы их матери—гитлеровской Германии.

Роли были распределены так: Мельник должен был остаться явным безоговорочным лакеем Берлина, Бандера — чем-то наподобие Азефа. Горлая о «самостийной» и «соборной» Украине, этот демагог-провокаатор пытался сплотить вокруг себя как можно больше янычар-головорезов, готовых уже в первый день нападения Германии на Советский Союз стать шпионско-диверсионным отрядом гитлеровской орды.

Тридцатого июня 1941 года, на второй день после вторжения немцев во Львов, Бандера создал свое «правительство» для Украины. Через двадцать четыре часа после этой комедии произошла и другая: гестапо арестовывает Бандеру и его «премьер-министра» Стецька. «Арестовывает» и... предоставляет ему при этом полную возможность и дальше руководить своей шайкой...

С осени 1941 года бандеровская ОУН постепенно уходит в «подполье» — в подполье, кстати сказать, довольно мастерски устроенное гестаповскими режиссерами. Немцам надо было любой ценой разбить единство украинского народа, парализовать растущее партизанское движение. И оккупанты сделали ставку на бандеровскую группу ОУН. Ей было дано задание направить по другому руслу антинемецкие настроения масс, не допустить до того, чтобы лютая ненависть украинского народа к немецким захватчикам вылилась в вооруженную борьбу за освобождение Украины.

И бандеровцы начинают действовать. В немецкой типографии в Луцке они печатают... антинемецкие листовки; новейшими немецкими автоматами вооружают свою так называемую УПА. Но ни их листовки, ни их автоматы не причиняют немцам особого вреда. От самой листовки еще никто не погиб, а пули бандеровцев получают ту особенность, что они летят не в сторону немецких карательных отрядов, а в грудь украинских и польских крестьян, их жен, матерей и детей, и в спины партизан-мстителей.

Вся эта кайнова работа не могла, конечно, изменить и не изменила естественного развития событий. Украин-

ский народ раскусил провокацию, с его помощью Красная Армия победно продвигалась на запад, освобождая от врага все новые и новые украинские земли. А гитлеровцы и их националистические прихлебатели оказались у разбитого корыта.

Могло бы казаться, что это уже конец, что это уже дно, ниже которого немецко-украинская националистическая нечисть опуститься не может. Но нет! Даже тогда, когда окончательное поражение Германии стало вопросом ближайшего времени, украинская агентура Берлина осталась верной себе, показала себя наиболее преданной лакейской сворой среди всех клеветов Гитлера в Европе.

Правда, эти профессиональные предатели еще и сегодня между одним и другим своими злодеяниями декларируют о «самостийной» и «соборной», называя себя при этом «независимым политическим фактором». Но об этой «независимости» оуновских бандитов говорят факты. Факты неопровержимые, поддержанные показаниями действительных и единственных вдохновителей украинского националистов — господ из гестапо.

Предоставим слово документам. Пусть они войдут осиновым колом в могилу того, что долгие годы называлось смрадным термином: «украинский национализм».

Весной 1944 года Красная Армия в своем освободительном походе перешла реку Збруч. Примерно в то же время в немецкую охранную полицию и «СД» «дистрикта¹ Галиция» явились бандеровские «делегаты» с заявлением о том, что представитель так называемого «Центрального провода² ОУН — бандеровцев» Герасимовский желает «от имени политического и военного сектора ОУН» обсудить с гестапо возможности тесного сотрудничества против «большевизма» в новых условиях.

Гестапо не заставило себя просить: 5 марта состоялась в Тернополе встреча Герасимовского с представителями охранной полиции и «СД» криминаль-комиссаром Паппе. Как видно, гестапо сумело надлежащим образом оценить своих бандеровских контрагентов, посы-

¹ Дистрикт — округ административный, судебный, избирательный в некоторых странах.

² Провод — руководство ОУН.

лая для разговоров с Герасимовским специалиста по уголовным делам...

Во время этой встречи Герасимовский сделал заявление, в котором, между прочим, сказал (по стенограмме секретаря господина Паппе):

«...Украинский народ и бандеровские группы ясно поняли, что они могут достичь своей независимости только при помощи самой великой нации Европы» (читай: немцев.— Я. Г.).

Слова «украинский народ» в устах матерого ренегата — это, конечно, только стилистическое украшение. Герасимовский хотел подчеркнуть, что судьба бандеровской братии, как и всех украинских националистов, ч дальше остается в руках немцев.

«Осознавая это, украинский народ (читай: украинские националисты.— Я. Г.) стоял уже на стороне немцев в первой мировой войне, позднее искал и нашел себе поддержку в Германии, учился для немецких целей и, наконец, как в польско-немецкой, так и в немецко-советской войне внес свой вклад для Германии».

Тут Герасимовский, безусловно, прав. Украинские националисты были верными прислужниками немецкого империализма во время первой мировой войны, они и потом искали и нашли себе поддержку в Берлине, они настойчиво учились быть квалифицированными шпионами для немецких властей, они имеют полное право называть себя ветеранами немецкой разведки. Надо полагать, что и сам господин Паппе не имел в этом ни малейшего сомнения, и если он терпеливо слушал искренние исповеди бандеровского «самостийника», то это только потому, что так подсказывала ему долголетняя практика чиновника уголовной полиции.

Герасимовский продолжал:

«Надо покончить с той ошибкой, будто бы бандеровские группы считают Германию своим противником. Бандеровская группа говорит, что украинцы (читай: украинские националисты.— Я. Г.) удовлетворились бы государственной формой по образцу протектората, но этот шаг к самостоятельности украинцев не был осуществлен Германией: поэтому-то и бандеровская группа, связанная идеей (слышите: «идеей»! — Я. Г.), вынуждена для своей политической цели работать нелегально. Но все же в нелегальной работе строго предусмотрено не действо-

вать против Германии, а подготовиться к решительной борьбе против русских. Это было убедительно доказано тем фактом, что бандеровская группа приступила к созданию, вооружению и обучению своих боевых отрядов только в феврале 1943 года, то есть в то время, когда в результате событий на Восточном фронте пришлось констатировать, что немцы не смогут победить Россию, как это казалось в начале войны.

Как видим, бандеровский цепной пес, всячески виляя, со все большей силой бьет хвостом по икрам господина криминаль-комиссара Паппе. В подхалимском раже Герасимовский не колеблется назвать своих подчиненных... криминальным элементом:

«Если же в отдельных местах и происходили акты антинемецкого саботажа, то это никогда не делалось по приказу бандеровской группы, а делалось самовольно украинцами из преступных побуждений...»

В конце своего выступления Герасимовский внес такие предложения:

«а) бандеровская группа полностью и безоговорочно укрепляет... солидарность со всеми немецкими интересами, как подвоз, немецкое строительство на Востоке и необходимые требования в тыловых военных районах;

б) ОУН — бандеровская группа отдает в распоряжение немецкой договорной стороны собранный своей разведкой агентурный материал против поляков, коммунистов и большевиков с тем, чтобы использовать его для проведения карательных операций».

Националистическим помощникам немецких карателей недолго пришлось ждать ответа гестапо. Уже через несколько дней представитель охранной полиции и «СД» «дистрикта Галиция» обратился к обер-фюреру и полковнику полиции генерал-губернаторства Биркампфа с отношением, исполненным неприкрытой иронии по адресу бандеровской «договорной стороны»:

«Я прошу срочно сообщить о решении РЦГА, так как надо учесть, что представитель ОУН, предполагаемый будущий министр иностранных дел украинского государства, скоро придет ко мне».

Вторая встреча гестапо с Герасимовским состоялась 23 марта. В своем новом заявлении представитель ОУН был не менее щедрым, чем в прошлый раз:

«...ОУН будет передавать немцам сообщения военного характера из районов, расположенных за линией советского фронта.

ОУН будет держать свои боевые части за линией советского фронта и будет вредить советскому подвозу, базам подвоза, центрам вооружения, складам — активным саботажем...»

Готовясь к этой подлой работе, оуновские вожаки тщательно заботились о том, чтобы обманутые ими их сообщники не знали правды. Поэтому-то Герасимовский умоляет гестаповцев держать язык за зубами:

«Транспорты с вооружением и материалами для саботажа со стороны немцев через линию фронта частям ОУН должны быть доставлены по всем правилам конспирации для того, чтобы не дать большевистскому режиму в руки тот козырь, что украинцы (читай: украинские националисты.— Я. Г.), которые остались за линией фронта, являются немецкими союзниками и агентами».

28 марта тот же Герасимовский имел встречу с командиром охранной полиции и «СД» «дистрикта Галиция», СС — обер-штурмбанфюрером доктором Витиска. На вопрос Витиска, каким будет отношение бандеровцев к мобилизации немцами украинского населения, националистический мерзавец цинично ответил:

«ОУН не будет чинить препятствий; к тому же в украинском народе столько живой силы (!), что немецкие оккупационные власти могут проводить мобилизацию и еще достаточно сил останется для вербовки в УПА, и оба партнера друг другу не мешают».

И действительно, оба партнера не мешали друг другу. И немцы, и их бандеровские наемники соревновались за первенство в истреблении украинского народа. Если же им не удавалось выполнить это безумное задание, то лишь только потому, что их руки были слишком коротки...

19 апреля 1944 года состоялось совещание руководителей немецких «абверкомманд» 101, 202, 305 военной группы «Юг». Подполковник Линдгарт («абверкомманда» 101) в своем выступлении высказал по адресу оуновцев значительный комплимент. Вы только послушайте:

«Вне связи с ОУН моя агентурная деятельность вообще невозможна».

Еще более многоречивым был на этом совещании подполковник Зелигер («абверкомманда» 202):

«...Я должен практически охватить членов УПА на территории Галиции и после обучения и вооружения перебросить их самолетами на советскую сторону или же пропустить большую группу через фронтовые прорывы. Я с давних времен поддерживаю связь с УПА через посредника Шухевича и уже получил несколько человек для обучения».

Но пока гестаповцы советовались, Красная Армия с боями продвигалась вперед, приближаясь к западным границам Украины. Немецкие оккупанты предчувствовали, что им недолго уже ходить по украинской земле. И националистические кукушкины яйца снова им пригодились.

Пятнадцатого июня представитель охранной полиции в официальном письме, адресованном главному управлению НИУ СС — штурмбанфюреру и советнику Поммернингу в Берлин, писал следующее:

«...5. VI. 44 года Н-ский референт имел очередную встречу с Герасимовским, на которой был обсужден вопрос о переброске через линию фронта на советскую сторону С- и Ф-агентов, а также об оставлении Ф-агентов на случай эвакуации немцами части Галиции в связи с военными действиями.

Эти переговоры служат также в интересах расквартированной здесь зондеркоманды «Цеппелин».

Что касается оставления Ф- и С-агентов для отправки их за линию фронта, Герасимовский заявил, что УПА поддерживает такую же связь с армией, какую охранная полиция поддерживает с ОУН — бандеровской группой.

Между немецкой армией и УПА уже давно существует договоренность о том, что УПА из своих рядов отдает в распоряжение армии Ф- и С-агентов.

Поэтому остается лишь познакомить охранную полицию с этими членами УПА».

Этого достаточно. Круг позора замкнулся, презренные националистические твари дошли до точки, с которой начали было свое блудливое путешествие. Отошли в безвозвратное прошлое надежды этих пройдох на «крупный выигрыш», испарились из их опьяневших от братской крови голов честолюбивые мечты о власти над Украиной. Бешеная, иступленная ненависть к украин-

скому народу, воспеваемая свыше двадцати лет в стихах их пиита Маланюка, толкнула их в ту же помойную яму, в которую скатились немецкие властители, их души и их тела. В ту самую яму, в которой они родились и выросли и в которой их обучили ремеслу убийства, измены и провокации.

Можно было бы спросить: как могут люди пасть так низко? Этот вопрос надо направить в фашистский Берлин, в эту гигантскую «малину» отбросов общества и народа, людей без чести и без родины.

И даже не людей, а чего-то такого, чему на человеческом языке нет названия...

1944

УБИЙЦЫ ПОД МАСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ

В опубликованном на Нюрнбергском процессе секретном отчете гестаповской оперативной группы мы читаем:

«Нам нелегко было спровоцировать в Каунасе еврейский погром большого масштаба. Вожаку упомянутой уже литовской националистической группы Климатису, привлеченному в первую очередь к этой работе, удалось на основании данных ему каунасским гестапо указаний произвести погром. Он сделал это таким способом, что со стороны не было заметно ни участия гитлеровцев, ни немецкого подстрекательства. Во время первого погрома, в ночь с 25 на 26 июня 1941 года литовские националисты уничтожили тысячу пятьсот евреев, подожгли или иным способом разрушили немало синагог и пустили с дымом еврейский квартал с шестьюдесятью домами. В последующие ночи уничтожено таким же способом две тысячи триста евреев. В других районах Литвы состоялись, по примеру Каунаса, такие же акты насилия, хоть и не в столь крупных масштабах, причем эти действия были распространены также на оставшихся коммунистов».

С того времени, как известно, многое изменилось.

Знамена четырех великих держав на здании Нюрнбергского суда символизируют торжество цивилизации.

Шесть лет фашистских погромов стоили слишком много слез, крови и руин. Это не может, не смеет повториться, если мы не хотим, чтобы грядущее поколение прокляло своих родителей. Те, кто сделал своим божеством грубую физическую силу, пусть ощутят сегодня силу карающей руки. Если эта рука дрогнет — темные силы фашизма погасят солнце нового дня, и в мире снова наступит беспросветная Варфоломеевская ночь.

Многое изменилось с того времени, когда советские танки на улицах чешской Праги завершили марш победы свободолюбивых народов. Геринг теперь уже не прежний Геринг, а один из подсудимых, действительный кандидат на настоящую виселицу; отошел в лоно дьявола и его норвежский агент Квислинг. Из-за решеток гестаповских камер пытаются выглядывать теперь сами палачи: обергруппенфюреры, унтер-штурмфюреры, гаулейтеры, крейслятеры. Весь этот сброд нацистских шкуродеров и мародеров кусает себе сегодня пальцы от страха перед возмездием.

Впрочем, извините, не все. Чтобы убедиться в этом, достаточно побыть неделю-другую в американской оккупационной зоне. Как это ни удивительно, но именно здесь, на территории, контролируемой хозяевами Нюрнбергской тюрьмы, где ждут справедливого приговора геринги и кальтенбруннеры, риббентропы и франки, нашли себе убежище те, о кровавых делах которых с таким понатым возмущением говорят на Нюрнбергском процессе представители американского обвинения...

Не хочу быть голословным. Если в начале этой корреспонденции я вспомнил о литовской нацистской банде Климатиса, то это прежде всего потому, что вся эта банда живет себе сегодня, как у Христа за пазухой, на окраинах оккупированного американскими войсками Зальцбурга. Подонки из хозяйства Гимmlера, суетливая гестаповская мелкая сошка, герои кровавых каунасских ночей, профессиональные убийцы, грабители, насильники, взломщики и обычные рядовые мазурики — вся эта нацистская ватага с клеймом Каина и Ирода на лбу чувствует тут себя не хуже, чем она чувствовала себя год тому назад, когда еще нужно было выполнять приказы капризного и бесцеремонного в отношении своих холоуев рейхсфюрера СС Гимmlера.

Они здесь пользуются абсолютной безнаказанностью. Более того, определенные реакционные круги считают этих убийц политическими эмигрантами.

Известно, что учреждение Гиммлера пользовалось услугами не только бандитов Климатиса, оно пользовалось также услугами западноукраинского нациста Степана Бандеры и его своры. Не преувеличивая, можно сказать, что эта порода нацистов превзошла в преданной службе Гитлеру своих литовских сподвижников. Об этой службе мог бы многое рассказать адмирал Канарис, немало также мог бы, но не хотел сказать на Нюрнбергском суде генерал гитлеровской разведки Лахузен. А впрочем, не в документах дело — хотя много их осталось в архивах львовского и берлинского гестапо,—когда речь идет о бандеровщине. Зачем документы там, где криком кричит правда десятков тысяч замученных, искалеченных, изнасилованных, когда эта правда смотрит на нас из руин бесчисленного множества сожженных рукой бандеровского ублюдка человеческих жилищ.

Украинско-немецкие националисты — и из шайки Бандеры, и из банды Мельника — были диверсионным отрядом гестапо с первого дня его существования. Вымуштрованные и проинструктированные в специальных школах молодчики из ОУН выполняли задания гестапо и гитлеровской военной разведки почти во всех странах Европы еще задолго до войны. В сентябре 1939 года они, по свидетельству самого Лахузена, получили от главнокомандующего немецкой армией такие же задания, какие в 1941 году получили от гестаповской оперативной группы литовские нацисты. Эти задания они выполнили с ловкостью квалифицированных убийц. По этому же поручению желто-голубые нацисты стали передовым диверсионным отрядом немецкой армии уже в первые дни вторжения гитлеровских войск на территорию нашей родины. Их руками гестапо проводило массовые убийства советских граждан украинской, польской и русской национальностей.

Зимой 1941—1942 года вооруженные гитлеровцами немецко-украинские нацистские банды по приказу гестапо повели жестокую борьбу с советскими партизанами, в то же самое время, выполняя волю Гиммлера, они начали в оккупированных немцами западных областях Советской Украины поголовное истребление мирных жите-

лей польской национальности. Организованная бандой по образцу гитлеровской полиции «служба безопасности» терроризировала неблагожелательно настроенных к Германии жителей и вела борьбу с советскими летчиками и парашютистами, убивая их или выдавая в руки немецкой полиции. Влившись в организованную немцами «украинскую» полицию, немецко-украинские националисты до последнего дня войны тесно сотрудничали с генерал-губернатором Польши Гансом Франком, помогая ему грабить Польшу и Галицию и вывозить в Германию рабочую силу из этих мест.

Кажется, достаточно. Достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с чистокровными фашистами. Достаточно, чтобы немедленно при первом же случае снова посадить их на ту же самую скамью подсудимых, с которой держат сегодня ответ за свои кровавые злодеяния нацисты почти всей Европы. А что же мы видим в действительности? Бандеры, мельники и кубиевичи свили себе гнездышко рядом с Климатисом в американской зоне оккупации...

У них даже есть свои комитеты. Отсюда они шлют своих агентов на территорию УССР, здесь бандеры принимают их рапорты, сюда по разным каналам поступают к ним деньги от их единомышленников западного полушария. Они ловко используют тяжелое положение западноукраинской молодежи, вывезенной немцами на каторгу, деморализуют ее рассказами об ужасах, свидетелями которых они якобы сами были на Советской Украине.

Когда им нужно, они втирают очки американцам, называя себя поляками. Таких новоиспеченных «поляков» вы сколько угодно увидите в городе Фюрт, в лагере польских эмигрантов, где их принимают как дорогих гостей, несмотря на то что руки этих гостей в крови польских грудных младенцев. Свои-де своих познаша...

Международный трибунал, который судит в Нюрнберге главных преступников, не спускает глаз и с их пособников, ибо каждый член трибунала сознает, что, если бы не мелкая нацистская погань, Гимmlеру не хватило бы его собственных рук замучить двадцать шесть миллионов человек.

Американские обвинители на Нюрнбергском процессе служат в той же армии, которая оккупирует Мюнхен и

Зальцбург; они являются гражданами того же государства, что и нынешний военный комендант Зальцбурга или Мюнхена, государства, солдаты которого в братском союзе с солдатами нашей страны отдали свою молодую жизнь в боях с нацистскими убийцами. Кровь, сообща пролитая этими солдатами, и благополучие их детей, матерей и жен требуют, чтобы всех нацистских убийц без исключения постигла заслуженная кара, чтобы они предстали перед судом той страны, земля которой пропитана кровью их жертв.

1946

ПАН ФИАЛКА

Давным-давно, в дни молодости, автору этих строк пришлось играть в оркестре кино, тогда еще немного. Самой колоритной фигурой в оркестре был корнетист, прозванный паном Фиалкой из-за темно-лилового цвета его импозантного носа. Настоящее его имя мало кто знал. Известно было только, что при австро-венгерщине пан Фиалка был одним из китов украинского националистического лагеря и однажды даже присутствовал на приеме у Франца-Иосифа. Никто также не знал, почему пан Фиалка променял булаву политика на трубу музыканта. Одни говорили, что душевное равновесие пана Фиалки нарушила смерть австро-венгерской монархии, а другие, злоязычные, уверяли, что конец его карьеры начался в ту самую минуту, когда было обнаружено исчезновение крупной суммы денег из кассы руководимого Фиалкой банка. Пан Фиалка об этом никогда не говорил. Он вообще ничего не говорил, кроме «добрый вечер» и «спокойной ночи».

Но пробил час, и пан Фиалка заговорил. Это случилось в тот день, когда на киноафише появилась австрийская кинокомедия «о доброй старой Вене» «Осенние маневры». Корнетист пришел в кинотеатр задолго до начала первого сеанса, пришел в старомодном гуттапер-

чевом воротничке и в длинном, ниже колен, черном сюртуке. Сивушный дух, который неизменно рассеивал вокруг себя пан Фиалка, уступил сегодня место аромату французского коньяка.

Оркестр играл увертюру к «Легкой кавалерии», оперетте Зуппе. Корнетист не отрывал очарованных глаз от экрана, а когда нотные паузы позволяли, он радостно выкрикивал:

— Пехота, ей-богу, пехота! Уланы, ей-богу, уланы! Жан... жандармы, ей-богу, жандармы, в парадной форме, великий боже!..

По выбритым щекам пана Фиалки покатались слезы умиления. Вдруг на экране появились австрийские драгуны в переброшенных через плечо кожанках и касках античных героев.

Пан Фиалка совсем ошалел. Он крикнул что было сил:

— Драгуны, ей-богу, драгуны, имперско-королевские драгуны! — и, не обращая уже внимания на ноты, затрубил воинский отбой: «Иван, Иван, возвращайся в казарму!..»

За это нарушение музыкальных правил Фиалке попало. Во время антракта он сидел перед капельмейстером и беспомощно разводил руками:

— Прошу прощения, но я не мог... не мог удержаться! Эти мундиры, эти кони, эти жандармы!.. Моя молодость вновь предстала у меня перед глазами... Моя молодость и светлейший пан, император Франц-Иосиф Первый!..

— А вы его видели?

Лицо пана Фиалки расплылось в радостной улыбке.

— Как вижу перед собою вас, пан капельмейстер!..

Захлебываясь от избытка чувств, пан Фиалка поведал:

— Не знаю, известно ли вам, панове и пани, что когда-то я был депутатом австрийского парламента. Когда-то... гм!.. (Пан Фиалка вытер слезу.) Однажды я вошел в состав украинской депутатской делегации, которую собирался принять покойный император. В приемной мы ожидали всего два часа, когда раскрылись двери и вошел его величество. Мы онемели от волнения, а старенький монарх, благосклонно подергивая бакенбарду,

подошел и ласково наклонил к нам свое ухо. Глубоко взволнованные такой милостью, мы доложили его величеству о любви австрийских украинцев к своему монарху. Он слушал и по-отечески улыбался. Но только мы начали рассказывать о тяжелом положении этих украинцев, монарх кивнул головою и тихо, приятно, ласково сказал: «До свидания, мои господа!»¹ — и показал нам спину. Вот это был монарх! Сказал всего четыре слова, а сколько в них было глубокого смысла!..

Пан Фиалка понурил голову и заплакал, слезы потекли на празднично начищенный корнет.

Прошло несколько лет.

Немая киномуза заговорила, запела и заиграла, пан Фиалка исчез с музыкального горизонта. Как в воду канул.

Как-то в воскресенье утром происходил один из бесчисленных парадов войска маршала Пилсудского. На быстрых белых конях ехали вояки 14-го уланского полка — специалисты по карательным экспедициям, мучители и палачи украинских селян Львовщины. Вдруг за моей спиной раздалась возгласы:

— Да здравствует! Вот это армия! Вот это войско! Уланы, ей-богу, уланы!..

Это кричал породный человек в черном старомодном сюртуке и черных очках.

Знакомый аромат, аромат смеси коньяка и чистого спирта, воскресил в моей памяти пана Фиалку. Да, это был он!

— А, как поживаете, пан товарищ? Вы думали — капут Фиалке, а Фиалка цветет, и еще как цветет! Дай и вам боже такое!

Пораженный переменой характера пана Фиалки, который из меланхолика превратился в жизнерадостного человека, я заинтересовался его новой профессией. Он потянул меня в боковую улочку и прошептал:

— Я коллекционер!

— Коллекционер? Чего?

— Пощечин!..

— ???!

Пан Фиалка снисходительно улыбнулся:

¹ Исторический факт.

— Я расскажу вам, но об этом никому ни слова! Чересчур много во Львове деятелей, желающих занять мое место.

Пан Фиалка боязливо оглянулся и полушепотом продолжал:

— Вы знаете, что нет у нас больше светлейшего императора, зато есть Пилсудский. Вот это голова, вот это маршал, вот это диктатор! Своего премьер-министра Складковского на пять шагов к себе не подпускает, а когда имеет на него зуб, то ударом в нижнюю часть спины с лестницы спускает¹. Ха-ха!.. Приблизительно то же самое делает генерал Складковский со своими подчиненными. Историю с оппозицией его величества — удивски-ми депутатами сейма — сами знаете: в Брестской крепости они трижды в день собирали пощечины от офицеров маршала².

— Знаю. И что же?

— Им это в конце концов надоело.

Я остановился, удивленный:

— Неужели они действительно перешли к оппозиции?

— Хе-хе!.. К оппозиции!.. Чего захотели! Хе-хе!.. Это я, я стал оппозиционером, мой дорогой!..

Я ничего не понимал, и пан Фиалка сжалился надо мною:

— Когда нужно идти на прием к Пилсудскому, Складковскому и присным, националистические депутаты берут меня с собой и как своего уполномоченного секретаря посылают на первую линию огня, то есть толкают первым в кабинет высокопоставленной особы. Я докладываю об их просьбе и получаю лично серию пощечин, реже — лечу с лестницы. Когда запыхавшаяся и вспотевшая высокопоставленная особа немного успокоится, в кабинет входят мои депутаты. Теперь им ничто уже не угрожает. В крайнем случае какая-нибудь мелкая пощечина или легонький щелчок в нос...

— И хорошо вы на этом зарабатываете?

— Неплохо. Лучше, чем когда-то зарабатывал игрой на корнете.

— И никогда уже на нем не играете?

¹ Исторический факт.

² То же.

Пан Фиалка постучал пальцем по нижней челюсти.
Она была вывихнута.

— Понимаю. Профессиональная болезнь.

Коллекционер вздохнул:

— Чего только не сделаешь ради...

С тех пор я не видел пана Фиалки и только недавно узнал, что он уже в Канаде, куда попал вместе со своими националистическими шефами. Нужно полагать, что пан Фиалка и там самоотверженно собирает пощечины, предназначенные для донцовых, бандер, мельников и скоропадских, то есть работает по специальности.

III

С КРЕСТОМ ИЛИ С НОЖОМ?

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

В один из праздничных дней 1701 года жители города Львова стали свидетелями потрясающей сцены. Отряд солдат польского гетмана Яблоновского, возглавляемый пьяным человеком в епископском облачении, с криком и свистом ворвался в Успенскую церковь. Несколько минут спустя из церкви вышвырнули на улицу истекающего кровью православного священника. Его место перед алтарем занял новоиспеченный униат — епископ Шумлянский.

Гетман Яблоновский праздновал победу, а с ним и вся ультракатолическая и ультраразвращенная шляхта. После трехсот лет дикой травли и невыносимых притеснений православной церкви был нанесен смертельный удар. Через семь лет и последние смельчаки, измученные террором, пали ниц перед Шумлянским, заявляя о своем согласии принять унию и покориться папе римскому...

Это был финал трагедии. Пролог к ней был положен еще королем Казимиром, называемым Великим. Захватив Львов, он заселил его немцами. Когда этих клопперов, вольф-штольцев, цетнеров и зоммерштейнов набралось столько, что они уже имели право называть себя хозяевами города, для православных, то есть украинцев, настали, по словам современника, «времена египетского рабства». Немецкий магистрат создал для них гетто, где

им разрешалось жить, но запрещалось оказывать какое бы то ни было влияние на судьбу города и свою собственную судьбу. Католические короли и католическая шляхта знали, что делают, посылая во Львов католиков-немцев. Эти предтечи гитлеровского губернатора Вехтера были мастерами угнетения и истребления других народов.

В то время, когда пленные крестоносцы из-под Грюнвальда зализывали свои раны в подземельях львовского замка, их львовские братья по крови устраивали погромы украинцев на благо ненавистной крестоносцам Польши...

В конце XVI столетия украинское население Львова было настолько обессилено этой неравной борьбой, что шляхта и ополяченные уже пришельцы из Саксонии и Бранденбургии могли подумать об унии, тем более что это совпало с периодом похода польских магнатов на Восток, на Русь.

Уния должна была стать в руках шляхты целительным средством от всех болячек, она обязана была погасить ненависть православных к своим католическим угнетателям, ее заданием было разбить единство и дружбу русского и украинского народов, наконец, она открывала путь для ополячивания упорных и стойких украинцев.

Долго искали кардиналы, епископы и прелаты подходящую для этого фигуру, пока не нашли ее в лице православного епископа Николая Торосевича.

Он был «посвящен» ими в первого униатского владыку. Это «посвящение» окончилось бы трагически для новоиспеченного «верного», если бы не польские солдаты, которые насилу вырвали Торосевича из рук разъяренной толпы православных.

Вот с какими чувствами встретили украинцы Галиции факт подчинения их церкви папе римскому и его польско-немецким наместникам.

Эти чувства жили в сердцах галичан еще в XIX веке, когда значительная часть униатского духовенства стремилась найти освобождение от унии у деспотической царской России, только бы не выполнять роль послушного орудия в руках неумолимых врагов Украины и ее народа.

Яркой иллюстрацией этого положения была история униатского священника Ивана Наумовича. Он не только решил сам вернуться к вере предков, но призывал идти этим путем и своих соотечественников. За это Наумович

заплатил самой дорогой ценой—своею жизнью. Его обезвредили старым испытанным способом, который еще во времена Борджиев вошел в традицию Ватикана,—ядом.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ

В конце прошлого столетия перед деморализованной униатской церковью открывается новый период ее истории.

На этот раз ключ к ее будущему очутился в более надежных руках, чем руки лишенной государственного кормила польской шляхты или медленно умирающего императора умирающей австро-венгерской монархии. Молодой немецкий империализм, позавидовав лаврам Ягайлы, обращает свой алчный взор на богатые просторы Украины.

После отставки канцлера Бисмарка, Вильгельм II уже не скрывает больше своих восточных планов, и протестантская Пруссия находит вдруг общий язык с Ватиканом. На международной политической бирже акции малоизвестной тогда в мире униатской церкви поднимаются быстрыми темпами. Предприятие требовало фундаментальной реконструкции, или, как говорили тогда, оздоровления. Во главе его надо было поставить человека, который бы своим происхождением, социальным положением, связями и энергией давал гарантию, что им будет сделано все возможное для подчинения непокорного европейского Востока.

Так родилась карьера молодого блестящего офицера австрийской армии, украинизированного поляка графа Андрея Шептицкого, из помещичьего рода Шептицких.

Карьера головокружительная. Назначенный священником в 1891 году, через восемь лет он становится уже епископом, а через год — митрополитом. В первые годы своей деятельности Шептицкий полностью оправдывает надежды Ватикана и его союзников. Он проводит реформу монашеского ордена василиан и превращает его в гибкое, послушное орудие политики окатоличивания.

На деньги Ватикана и на немецкие деньги разворачивается пропаганда воинствующего католицизма как прикрытия политического стремления подчинить украинский народ немецким империалистам. Словно грибы после дождя, растут и множатся католические издательства,

полки книжных лавок гнутся под тяжестью кричащих демагогических религиозных брошюр и газет.

Все это было насыщено ненавистью к православным «еретикам» и к России. Этот религиозный лубок, подслащенный слезливым культом Марии, ставил своей главной целью отдалить галицийских украинцев от их надднепрянских братьев, во что бы то ни стало изолировать их от революционных идей, которые как раз в ту пору волновали сердца и умы широких масс Восточной Украины, выливаясь в вооруженные восстания рабочих и крестьян.

Амвоны церковей постепенно превращаются в трибуны украинского воинствующего национализма и в школы психической подготовки населения Галиции к мировой войне. Преданность престолу Габсбургов стала высшей добродетелью, а ненависть к русскому народу — одиннадцатой заповедью.

Сам митрополит не бросался в водоворот политических страстей. Как и подобает дипломату голубой крови, он сохранял величавый покой, охотно выступая в роли Моисея, который преисполнен желания больше разговаривать с богом, чем с толпой, а если и спускается с горы Синайской на землю, то только для того, чтобы умиротворять страсти и мирить враждующих...

Шептицкий умело создает себе авторитет. Стремясь к постепенной латинизации униатского обряда, он одновременно тормозит латинизаторский пыл униатских епископов Станислава и Перемышля и, таким образом, приобретает среди верующих славу защитника греческого обряда.

Владея огромным состоянием и субсидиями из разных источников, он широко разворачивает филантропическую деятельность, строит музей, больницу. Его личные деньги становятся основным капиталом самого крупного банка в Галиции. Немало художников, писателей, артистов пользуются его материальной поддержкой. Земные блага становятся в его руках золотой цепью, которая приковывает паству к престолу митрополита.

Впрочем, это была только подготовка к великим событиям, которые приближались. Честолюбивые планы митрополита простирались далеко за пределы Львова, его ни в коем случае не удовлетворяла слава провинциального филантропа. Ни его самого, ни выше его стоящих.

БУРЯ

Накануне первой мировой войны мрачный святоюрский замок становится одним из отделов германского генерального штаба. Здесь за толстыми стенами проводится кропотливая работа: устанавливаются маршруты для будущих миссионеров — конквистадоров, детально обсуждаются способы, которыми будут пользоваться для разложения русского тыла; здесь день и ночь идет подготовка для нанесения смертельного удара православной церкви...

А надо всем этим доминирует одна идея, давно уже проработанная и во всех деталях продуманная в ведомственных кабинетах Ватикана, Берлина и Вены: Шептицкий в роли униатского экзарха всея Украины и всея России — от Збруча до Владивостока...

Вспыхивает война. Митрополит Шептицкий делает вид, будто не замечает длинных колонн людей, отправляемых австрийскими милитаристами на смерть, хотя среди этих несчастных находится немало униатских священников. У митрополита нет времени для этого — наконец-то пробил его час.

В ТЕРНОВОМ ВЕНКЕ

С появлением русских войск под стенами Львова Шептицкому представляется лишний случай укрепить свой авторитет у верующих. Среди его бесчисленных венков не хватает одного: тернового.

Русские власти во Львове принесли ему только пользу. Шептицкого арестовывают как агента вражеского государства и вывозят в Курск, а потом в Суздаль и в Ярославль.

Легенда о его «мученичестве» растет как на дрожжах. Императоры Австрии и Германии, папа и Альфонс испанский нажимают на все пружины, и через несколько недель после февральской революции 1917 года в России граф получает возможность сменить комфортабельную квартиру в Ярославле на роскошные апартаменты в лучшем петроградском отеле.

Здесь Шептицкий не теряет времени. Он нажимает на Временное правительство, добиваясь легализации униатской церкви в России.

Не ожидая решения князя Львова, он назначает экзархов Петрограда и Киева и уезжает на Украину, где становится почетным гостем Центральной Рады.

Окруженный нимбом «мученика», митрополит Шептицкий возвращается во Львов и находит на столе письмо от папы о назначении его главой униатской церкви в России. Его карьера дошла до зенита; предстоящие события — поход австро-немецких войск в глубь Украины и России — должны были завершить ее.

ИНТЕРМЕЦЦО

Однако не завершили. Австро-Венгрия разлетелась. Германия разгромлена. Шептицкому пришлось терпеливо ждать более подходящего случая.

Но кипучая энергия и честолюбие этого человека не позволили ему присматриваться к развитию событий со сложными руками.

Будучи прикованным болезнью к креслу, он не перестает ни на минуту управлять из-за святоюрских кулис политикой украинской реакции. Ловко используя марку «внепартийного фактора» и пользуясь экономической независимостью от большинства галицийско-украинских учреждений, он делает все возможное, чтобы объединить реакционные элементы под лозунгом антисоветской интервенции, и с этой целью создает свою партию, так называемый «Украинский католический союз».

Об истинном христианском человеколюбии основателя и руководителя этой партии свидетельствует передовая статья газеты украинского католического союза «Мета» от 17 апреля 1932 года. В ней мы читаем: «Украинский национализм должен быть подготовлен ко всяким способам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации, хотя бы и жертвою миллионов человеческих экзистенций (существ)».

Одновременно митрополит пытается влиять на политику Варшавы по отношению к украинцам. Когда ему это удастся, националистическая пресса поет ему «осанна», как «защитнику украинского народа», а когда нет, то эта же самая пресса величает его как «великомученика за народ».

На другой день после того, как Гинденбург назначил

Гитлера канцлером Германии, Шептицкий явно берет курс на фашизм.

Предвидя неминуемое нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, он настойчиво готовится к осуществлению своих старых планов. Он объединяется с венским фашизирующим кардиналом Инницером, и они вместе разворачивают и возглавляют бешеную антисоветскую кампанию: один на Востоке, другой на Западе.

С приближением войны линия политической ориентации Шептицкого не подлежит уже никакому сомнению, старая симпатия немецкого генерального штаба ОУН (Организация украинских националистов) является теперь и его симпатией. В одном из «пастырских писем», оглашенном в первые месяцы фашистской интервенции в Испании, Шептицкий призывает украинскую молодежь идти по следам «львов Альказара», точнее выражаясь — по следам разбойников генерала Франко.

Условия благоприятствовали Шептицкому. Кадры униатского духовенства в продолжение пятнадцати лет в большинстве своем пополнялись головорезами из УГА (Украинская галицийская армия), петлюровцами и деклассированными молодчиками, которые начали молиться Коновальцу раньше, чем богу.

Теперь ларчик Шептицкого открылся для ОУН, а один из оуновских атаманов, Андрей Мельник, под видом администратора имений митрополита, получил возможность управлять всей работой украинской националистической своры.

ЧИСТИЛИЩЕ

1939 год наносит Шептицкому страшный удар. Вместо долгожданных знамен со свастикой он видит из окон своего дворца знамена Советской власти, знамена Великой Революции.

И все же этот человек не растерялся. Граф уверен, что на этом не кончится, что неминуемо настанет день, когда гитлеровская Германия бросит все свои силы на покорение советских народов. Эту свою сокровенную веру он пропагандирует на каждом шагу, к ней он приспосабливает всю свою тактику.

Убедившись в терпимом отношении советской власти к униатской церкви и ее духовенству, Шептицкий посте-

пенно становится самоуверенней и, вспомнив, видимо, что «отвага мед-вино пьет», шлет к представителям советской власти «протесты» против... создания в Галиции комсомольских и пионерских организаций и против раздела монастырских земель среди крестьян.

В то же время Шептицкий на епархиальных соборах и в письмах поучает духовенство, как лучше вести антинародную политику, не вызывая при этом подозрений со стороны советской власти.

С этой целью в 1940 году канцелярией митрополита даже была выпущена нелегальная брошюра: «Главные правила современного душеспасения» — документ небывалого лицемерия и настоящего иезуитского коварства. Автор этой брошюры, скрывшийся под инициалами О. И. С., в каждой строчке пропагандирует государственную измену и заканчивает свое «произведение» словами:

«Дай боже, чтоб это исключительное положение (читай — советская власть.— Я. Г.) продолжалось недолго».

Он советует своим подчиненным так же уверять всех и вся, что скоро наступит конец советской власти на Украине...

В то время много униатских церквей становится кузницами антисоветских провокаций и немало священников — надежными покровителями скрывающихся гитлеровских шпионов и диверсантов. Гитлеровские помощники, прикрываясь саном священнослужителей, срывают мероприятия советской власти в селах, а в городах особое внимание обращают на молодежь, стараясь привить ей ненависть к своей власти, к своему народу.

Были и такие, что днем носили крест на груди, а ночью, вооруженные пистолетами, плечом к плечу с оуновскими бандитами убивали советских людей.

Шептицкий собирал плоды своих посевов. Охваченный идеей покорения Риму всей Украины, Белоруссии и России, он погружается все глубже и глубже в трясины предательства. Его честолюбивым мечтам не было границ: во имя их осуществления он готов был на все.

В своем воззвании к подчиненному ему духовенству весной 1940 года он писал:

«...многим из нас бог ниспошлет милость проповедовать в церквах Великой Украины, право- и левобережной, вплоть до самой Кубани и Кавказа, Москвы и Тобольска».

У Шептицкого не было никакого сомнения, что будет именно так, настолько сильна была его вера во всемогущество Адольфа Гитлера. Желая услужить «фюреру», он долгое время скрывает в своем дворце гестаповского эмиссара Андрея Мельника, предоставляя ему возможность управлять диверсионно-шпионской работой оуновских банд.

РАЙ

Эта вера абсолютно затмила рассудок Шептицкого, когда гитлеровцы оккупировали Львов. Уравновешенный человек, высокий церковный «сановник» не задумываясь подписывает воззвание, в котором приветствует «победоносную немецкую армию» и... признает просуществовавшее два дня опереточное правительство Степана Бандеры с его опереточным премьером Ярославом Стецьком.

Считая, что на этот раз время его действительно наступило, он спустя несколько дней публикует послание униатскому духовенству, послание, которое, по его мнению, должно было окончательно убедить оккупантов в его беззаветной преданности «фюреру» и органам его власти. Он пишет:

«Надо также обратить внимание на людей, которые преданно служили большевикам...»

Он рачительно заботится о том, чтобы армия немецких грабителей была обеспечена продуктами за счет... украинского крестьянства. В своем возвании к крестьянам митрополит дает подробные, мы бы сказали, агрономические инструкции, как они должны работать, чтоб гитлеровская армия не чувствовала ни в чем недостатка.

Немного спустя Шептицкий разрешает униатским священникам служить литургии не днем, а вечером, чтобы, чего доброго, не оторвать крестьян от работы на благо фашистского оружия. Вслед за своим митрополитом в церквах пели «многолетие» заядлым врагам Украины также и многие из униатского духовенства. И не только пели. Вся деятельность многих униатских священников во время гитлеровской оккупации — это длинная цепь предательств украинскому народу и верная служба его врагам. Они помогали гитлеровцам грабить и бесцеремонно обманывать народ. Вот, например, какими мудрствованиями угощал свою паству в грязной немецкой газетке один из теоретиков униатства:

«Две наши малсынькие девочки из одного (!) села под Львовом, к которым часто в видениях являются ангелы и ведут с ними беседу (как когда-то Жанне д'Арк), видели, как еще при большевиках с неба на землю спускался золотой трезубец¹ на голубом фоне...» («Укр. щоден. вісті» от 14 августа 1941 г.)

Правда, этот «чудесный» трезубец так и не спустился на землю, а неблагодарные гитлеровцы скоро швырнули его в хлам вместе со своими обещаниями создать «самостийникам» что-то вроде украинского протектората. Но и это нисколько не встревожило униатских служителей Гитлера. В 1943 году, когда кровавому Адольфу понадобилось пополнить свои потрепанные ряды украинским пушечным мясом, он создал для этой цели так называемую «дивизию СС-Галиция».

В вербовке ландскнехтов для Гитлера многие униатские священники сыграли исключительно позорную роль. Вот один из многих примеров: сын бывшего киевского экзарха униатской церкви, священник Гнат Цегельский из г. Каменка-Бусская, поставляя Гитлеру пушечное мясо, выступил перед своими жертвами с речью и на прощание вручил им... знамя, которое сохранил его отец еще с кратковременного господства гетмана Павла Скоропадского. Этот жест должен был засвидетельствовать то, что, мол, униатское духовенство, как все украинско-немецкие националисты, навсегда связало свою судьбу с судьбой фашистских убийц и грабителей.

Чудовищное зрелище можно было наблюдать и на Святоюрской горе, когда в торжественной обстановке Шептицкий назначал капелланов в гитлеровские эсесовские банды: профессора духовной академии В. Лабу, И. Карпинского, Д. Ковалюка и более десятка других. Всех их благословлял на каинов путь предательства заместитель митрополита, тогдашний ректор духовной академии И. Слепой.

Не менее активную роль сыграли последователи Николая Торосевича в официальной гитлеровской агентуре, в так называемых делегатурах УЦК (филиалах коллаборационистского «украинского центрального комитета»). Из тридцати двух делегатур во Львовской области — пятнадцать возглавляли униатские священники.

¹ Т р е з у б е ц — герб украинских националистов.

Священник Й. Годунько, председатель Лычаковской районной делегатуры, активно вербовал рабочую силу для фашистских разбойников. Одновременно он находил свободные минуты и на то, чтобы поддерживать связь с УПА [т. н. «украинская повстанческая армия» (бандеровские банды)] и оказывать ей также материальную помощь... Казалось, что это уже было пределом падения. Но нет.

А Д

Митрополит Шептицкий, увидев, что его хозяин — Гитлер, — несмотря на первоначальный успех, несет поражение, приходит к выводу, что надо подумать о будущем, надо замаскировать свои связи с гитлеровцами и с их верными наймитами из УПА.

Этот новый маневр начался еще зимой 1941—1942 годов, когда высококомерный граф понял, что фашисты даже и не думали осуществлять своих обещаний. Более того, они запретили выезд униатским священникам за Збруч.

Шептицкий обращается с письмом к Гитлеру. Он убеждает, он просит, он умоляет, он предрекает великое горе.

Это письмо остается без ответа и каких бы то ни было результатов...

Вместо праздничного колокольного звона киевской Софии в честь Шептицкого — папского легата — митрополит слышит несмолкаемые крики десятков тысяч женщин и детей, замученных фашистами и их националистическими прислужниками. В окна его комнаты врывается с ветром тошнотворный смрад от сжигаемых человеческих тел.

Шептицкого информируют о «подвигах» его питомцев из УПА, которые с небывалым в истории человечества озверением и садизмом вырезают целые села, не щадя даже младенцев.

Шептицкий видит кровь и на руках некоторых униатских священников, приходящих к нему с официальным визитом.

Но граф не из таких людей, которые теряют сознание при виде крови, его потрясает совершенно иное: сознание своего поражения, сознание страшной катастрофы, что опрокинуло все его мировоззрение и превратило в груду обломков плоды его более чем пятидесятилетней лихорадочной деятельности.

ГОЛОС В ПУСТЫНЕ

Шептицкий в течение короткого времени страшно постарел, одряхлел. Однако удивительной силы организм, который столько лет боролся с болезнью, победил и на этот раз. Граф решил спасти то, что еще, быть может, удастся спасти.

Он чувствовал: церковь не может держаться на измене народу, стоять на неповинной крови его детей, на продажных и лишенных морали служителях.

В своем послании, написанном в июне 1942 года, Шептицкий говорит, что «во многих общинах живут люди, души и руки которых запятнаны неповинно пролитой кровью ближних».

В послании, опубликованном несколько месяцев спустя, он цитирует псалмы Давида, клеймящие убийцу:

«Рана его души смердит в его живом и ходячем еще по свету трупе. Он избрал проклятие, и проклятие пало на него... Дни его будут коротки, кто-то иной заберет его достояние; дети его станут сиротами, а жена его — вдовой».

Шептицкий угрожает проклятием убийцам и в то же время не находит мужества сделать это, боясь полного одиночества. Он и так уже констатирует падение своего влияния и горько сетует в посланиях на духовенство, которое начинает бойкотировать созываемые им соборы.

Более того, в послании от 26 февраля 1943 года Шептицкий утверждает саботаж униатского духовенства, когда речь идет о борьбе с фашистскими убийцами. Взлелеянное им униатское духовенство не поняло нового маневра своего духовного владыки.

ПРИЗРАКИ

Это было начало конца Шептицкого. Им самим был вызван дух, которого он напрасно пытался загнать теперь под землю просьбами и угрозами.

Многие из его наперсников и доверенных лиц, воспитанных им, с каждым разом все более враждебным взглядом смотрели на своего немощного пастыря, который теперь, стоя одной ногой в могиле, пытался влиять на их политику, такую для них понятную, такую традиционную и выгодную.

Шептицкий смотрит в глаза своего преемника И. Слепого и ничего не может прочесть в них. Он с тревогой всматривается и в бывшего папского визитатора¹ униатских приходов в восточных епархиях Польши, а ныне епископа Луцкой епархии того же обряда, Николая Чарнецкого, но этот также умеет молчать.

Слухи о колебаниях Шептицкого доходят и до Ватикана.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Наступили исторические дни освобождения Львова. Шептицкий пристально и настороженно следит за всем, что происходит за стенами его дворца. Теперь у него есть возможность сделать сравнение, подумать и решить дальнейшую судьбу униатской церкви.

Его размышлений никто не тревожит: пустота, которая давно образовалась вокруг него, не мешает ему. Он досрочно сзывает архиепархиальный собор и на нем осуждает кровавые дела бандеровской своры. Свою речь он заканчивает словами:

«Атмосфера весеннего дуновения, чувствуемая нами, разрешает уповать, что наш народ найдет в нынешних правителях края ту справедливость, которая граничит с любовью и на любовь опирается».

Это была лебединая песня митрополита Шептицкого. Видимо, в предсмертный час в нем вспыхнули те проблески сознания, то чувство ответственности, какое он несет перед украинским народом за содеянные им противонародные поступки. В последние дни он хотел искупить свою вину. Но его желаниям был положен конец. Он неожиданно умирает, и только будущее покажет, не предстала ли пред ним в минуту его таинственной смерти скорбная тень Ивана Наумовича...

ТЕ, ЧТО ИЗБРАЛИ ПРОКЛЯТИЕ

Сегодня надо сказать, что предсмертные слова митрополита не дошли до сердец большинства униатского духовенства. Больше того, руководители этого духовенства

¹ Визитатор — лицо, поставленное для ревизии и наблюдения.

не приняли никаких мер, чтоб распространить последнюю речь покойного митрополита. Также не вышло из шкафа митрополичьей канцелярии послание и нового митрополита на эту же тему.

Можно было ожидать, что руководители униатской церкви проявят хотя бы минимальное желание смыть свои тяжкие преступления перед народом и хоть теперь пойдут по стопам православных священников, которые в большинстве показали себя преданными сынами своей родины. Призывая верующих на священную борьбу с гитлеровскими захватчиками, жертвенно помогая Красной Армии, православные священники в преобладающем большинстве своем верно служили своим народам в священной войне против гитлеровских захватчиков.

Можно было ожидать подобных сдвигов и среди униатских священников. А как было в действительности? Было так, что представители Святоюрской горы пожертвовали сто тысяч рублей на... Красный Крест¹.

О том, что же творилось за Львовом, пусть скажет хроника того времени:

В селе Немилове Радеховского района дьякон Ст. Мельничук, бывший бандеровский станичный под кличкой «Світовий», скрывал гитлеровских парашютистов.

В Перемышльском районе в общегитии униатского монастыря обнаружены четыре винтовки, три ручных гранаты и боеприпасы.

В селах Виспа и Ходоровец Стрелецкого района Дрогобычской области в хранилищах под церквями нашли приют пятьдесят восемь вооруженных бандитов и склад литературы, поддельных документов и... бочка спирта.

В селе Соколове Ново-Милятинского района в хранилище под алтарем обнаружена тройка бандитов «СБ»;² при них были автоматы, винтовки, пистолеты и непременная водка, которой они развлекались в то время, когда их сообщник над их головами изображал, что служит литургию.

¹ Под этим видом в панской Польше нередко собирались средства для поддержки буржуазно-националистических, фашистских организаций.

² «СБ» — боевники (отряды) Степана Бандеры.

И так далее, и так далее, вплоть до обновленного старательного распространения в церквях брошюры таинственного автора О. Й. С. ...

КАМО ГРЯДЕШИ?

Перед многими духовными лицами история поставила фатальный вопрос: камо грядеши?

Наше Советское государство вписало в свой основной закон незыблемые и нерушимые слова о свободе согражданина, не препятствует ему иметь свои религиозные убеждения. Но нельзя спокойно смотреть, как служители униатской церкви используют свободу вероисповедания для того, чтобы вести преступную деятельность против украинского народа, когда-то на пользу фашистской Германии, сегодня — во славу и на благо англосаксонских империалистов.

Перед прислужниками богов свастики и петлюровского трезубца лежит один путь — путь измены народу, путь преступлений, убийств, чудовищного коварства, лжи и обмана. Этот путь неминуемо приведет их к гибели. Народ беспощаден к своим смертельным врагам, в какие бы одежды они ни рядились. Если гестаповский убийца надевает на себя вместо коричневого мундира черную рясу — он не перестает быть фашистским убийцей.

Эти враги украинского народа, одетые в рясы униатских священников, являются организаторами банд украинско-немецких националистов и агентами международной реакции. Они вредят народу в его святой созидательной работе. Они являются виновниками многих преступлений, которые украинско-немецкие националисты свершили и свершают над населением западных областей Украины.

Кровавая деятельность этих преступников должна быть решительно пресечена. Доколе же эти агенты фашизма, прикрываясь рясой и саном священнослужителя, будут творить свое черное дело против народа? Доколе они будут чинить преступления и коварные козни на освобожденной от гитлеровских разбойников свободной советской украинской земле, орошенной священной

кровью лучших детей Украины, России, Белоруссии
всех советских народов?

Украинский народ в дружбе со всеми братскими народами добился победы над своим ненавистным врагом— гитлеровской Германией. Испытав поражение, лукавый враг пробует теперь лепетать лицемерные слова, но этим словам никто не поверит. Эта маска будет сорвана. Наш народ обмануть нельзя.

1945

АПОСТОЛ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

«Мы видим распятым на кресте все, чем мы владеем». Такими словами встретил примас-кардинал Венгрии Миндсенти аграрную реформу и закон о национализации тяжелой промышленности в Венгрии.

В декабре 1945 года, когда уже окончательно назрел вопрос о провозглашении Венгрии республикой, кардинал обращается к правительству с письмом, написанным в тоне ультиматума.

«Мне стало известно, что национальное собрание в ближайшем будущем намеревается поставить на повестку дня конституционные реформы и закон о провозглашении республики. Если это соответствует действительности, то я, пользуясь государственным правом венгерских кардиналов, которое существовало на протяжении девятисот лет, выражаю свой протест».

Таким властным тоном разговаривали когда-то только абсолютные монархи со своими министрами. В 1945 году католический кардинал Йозеф Миндсенти намеревался разговаривать именно так с народным правительством. Что это — зазнайство? мания величия?

Ни то, ни другое. Кардинал Миндсенти, примас Венгрии, архиепископ Эстергомский и прочая и прочая, говорил здесь не только от своего собственного имени, от имени «обиженного» реформой владельца восьмиста

двадцати пяти тысяч хольдов земли. Его устами говорила вчерашняя Венгрия, Венгрия знатных и необузданных феодалов, привыкших на костях и крови венгерского и других народов строить свою сомнительную славу и свое несомненное богатство.

В начале 1945 года Советская Армия освобождает Венгрию, и власть в этой стране переходит в руки народа.

Реакция неистовствует, она пускается на авантюристические махинации, надеясь, что с помощью англосаксонских протекционистов ей удастся восстановить феодально-буржуазный строй. Однако все ее соглашения заканчиваются, как правило, на скамье подсудимых. Подняться выше этой скамьи реакционным деятелям никак не удавалось: пробужденный к жизни венгерский народ сметал их со своего пути.

Тогда на первом плане появляется Миндсенти. Чего не сделали гражданские диверсанты, то, как полагали недобитые реакционеры, сделает диверсант в епископской митре, которого поддерживают Ватикан, католическая церковь и вековые традиционные суеверия, которые словом помогут кардиналу овладеть настроениями и мыслями масс, а потом толкнуть эти массы против народного строя, против победившей народной демократии. Это была спекуляция большого масштаба.

И Миндсенти действует, и действует с каждым разом все смелее и нахальнее. Он сыплет, будто из рукава, пастырскими листами, а его подвластные и сторонники зачитывают эти антигосударственные прокламации с амвонов, печатают их в католических газетах, распространяют в виде листовок, ватиканское радио передает их. Малоизвестный ранее кардинал становится героем дня на страницах американской и английской прессы, очарованный папа шлет ему благословение за благословением. Подбадриваемый похвалами Уолл-стрита и Ватикана, Миндсенти лезет с ногами на стол. Теперь мероприятие правительства наталкивается на живое препятствие в лице распоясавшегося кардинала.

Когда протесты не дают результатов, кардинал пускается на угрозы. Угрожает правительству, угрожает народу. Убедившись, что народ в своей массе идет за правительством, поддерживает его, питает к нему доверие и любовь, Миндсенти с библией в руках грозно провозглашает:

«По святому писанию, проклят тот, кто верит в людей».

Однако Миндсенти не ограничивается «легальной» деятельностью: он плетет паутину тайных интриг, соглашений и заговоров. Возлагая все надежды на третью войну, он пытается приблизить ее и с этой целью устанавливает связи с поджигателями, находившимися за границей. Верный традициям своих предшественников, он мечтает о восстановлении в Венгрии монархии во главе с Габсбургской династией. И не только мечтает: тайно кардинал делает серьезные шаги для ее реставрации.

Уже через несколько дней после освобождения Будапешта Миндсенти просит графа Паллавичини поехать во Францию, где в то время находится Отто Габсбург, и заверить этого неудачного кандидата в монархи в безграничной преданности Миндсенти династии Габсбургов. Граф выполнил поручение кардинала. Отто поблагодарил и заявил о своем горячем желании как можно скорее встретиться с верным кардиналом.

Между ними завязывается переписка, причем роль посредника берет на себя бельгийский кардинал Ван-Рой. Отто Габсбург шлет в Эстергом слова утешения и ободрения, а кардинал в ответ отсылает ему информации сугубо шпионского характера, которые из рук Отто направляются в закоулки американской разведки.

Но в письмах всего не скажешь, поэтому назревает необходимость встретиться с глазу на глаз. В августе 1947 года Миндсенти заявляет о своем желании поехать в Канаду, где должно было произойти торжественное празднество в честь девы Марии. Кардинал выезжает за океан, однако его архикатолическое сердце полонила не столько дева Мария, сколько вдова экс-императора Австрии и экс-короля Венгрии — Зета. Он сходится с тогдашним духовником Карла Габсбурга нью-йоркским священником Палом Жамбоки, и тот устраивает ему встречу с честолюбивой Зетой. Длительная беседа закончилась обоюдным благословением.

Затем наступило время для встречи с ее сыном Отто.

Двадцатого июля Миндсенти инкогнито прилетает в Чикаго. На аэродроме его ожидает машина чикагского епископа. На другой день гостеприимный епископ везет кардинала далеко за город в один из живописных монастырей, за стенами которого его ждет Отто Габсбург...

После горячих приветствий разговор приобретает деловой характер. Ссылаясь на информации из «богоугодных источников», Отто заверяет кардинала, что обострение отношений между великими державами вскоре приведет к войне и что после войны влиятельные круги США с радостью будут приветствовать восстановление габсбургской монархии. Между Отто и Миндсенти нет ни малейшего расхождения во взглядах: война, только война решает их планы.

Миндсенти докладывает Габсбургу о своих «достижениях». С целью объединения монархических сил Венгрии он решил превратить «Католический народный союз» в массовую монархическую организацию. Кроме того, он успел уже организовать законспирированные легитимистские группы, которые действуют внутри различных партий. Архиепископ эстергомский заверяет Габсбурга, что «легитимисты в Венгрии будут объединять и организовывать, пока не достигнут своей цели...»

Кардинал растроганно прощается, Габсбург желает ему успеха. Миндсенти спешит, ему предстоит еще два не менее важных разговора. Он отчитывается перед кардиналом Спеллманом о результатах беседы с Отто Габсбургом. Тот внимательно выслушивает его, одобряет тактику архиепископа, обещает всестороннюю помощь и озабоченно высказывает свое опасение, чтобы нелегальная деятельность не причинила архиепископу вреда. Но тот успокаивает Спеллмана: ведь вскоре начнется война, а до этого времени венгерское правительство не осмелится поднять руки на его преосвященство примаса.

Накануне отъезда из Нью-Йорка Миндсенти встречается с эмигрантом-фашистом Тибором Энгардтом и поручает ему объединить американских венгров вокруг особы Габсбурга. Энгардт оживленно поддакивает. Он тоже легитимист и уже немало сделал для обновления венгерской монархии. Он хвалится своими связями и влияниями, с гордостью рассказывает о своем близком знакомстве с шефом Федерального бюро расследования Энгардтом Гувером, намекает на свое сотрудничество с известным агентом Гувера и ватиканской разведки миссис Бреди и, наконец, детально информирует кардинала о работе бывшего посла Салаши при Ватикане, прелата Ференца Люттора, сумевшего из венгерских фашистских беглецов типа Сандера Пиппера организовать в Буэнос-

Айресе сильную активную монархическую группу, которая оказывает большие услуги американской разведке и контрразведке.

И вот Миндсенти снова на венгерской земле. Он очарован всем, что слышал и видел за океаном, он делится своими наблюдениями и переживаниями с друзьями. Наслушавшись кардинальских сообщений, монархистский деятель Баранья готовит проект мероприятий, направленных на восстановление монархии, и даже составляет список министров, которые засядут в правительстве после обещанной кардиналом оккупации Венгрии англо-американцами... Архиепископ торжественно утверждает этот проект будущего кабинета.

Сам он тоже пишет прожекты. В найденной среди его секретных бумаг папке «Земельная реформа» он рисует картину будущей монархической Венгрии, точнее говоря, венгерской деревни. Он предлагает отобрать у крестьян землю и отдать ее кулакам и помещикам, собственникам двухсот — пятисот хольдов...

Занятый мероприятиями, направленными на ускорение войны и восстановление монархии, Миндсенти находит еще время для спекуляции валютой и для шпионажа. Информации принимает от него сам посланник США в Будапеште Артур Шенфельд, который отсылает копии кардинальских писем прямо в Вашингтон, в государственный департамент. Об этом мистер Шенфельд довольно откровенно заявляет в своем письме от 27 декабря 1946 года, переданном тайным путем кардиналу:

«Я подтверждаю получение вашего письма от 16 декабря, в котором вы излагаете ваши общие наблюдения политического характера относительно Венгрии и ее теперешнего положения. Копии этих писем были посланы в государственный департамент... Мне хотелось бы, пользуясь случаем, заверить ваше преосвященство, что я и впредь с радостью буду принимать ваши замечания по всем вопросам, на которые вы захотели бы обратить мое внимание».

В конце концов Миндсенти теряет терпение: он нажимает на американского посланника, требуя ускорить войну путем непосредственного вмешательства США во внутренние дела Венгрии.

Когда венгерское правительство обратилось в Вашингтон с просьбой вернуть Венгрии украденную гит-

леровцами историческую ценность — корону святого Стефана, Миндсенти пишет письмо новому посланнику США в Будапеште Чепину:

«Моя просьба к вам — позаботиться о своевременном распоряжении вашего высокого правительства, чтобы армия отправила и передала святую корону на сохранение его преосвященству — папе римскому, предшественник которого в 1000 году подарил корону святому Стефану. Это особенно важно, ибо заботы о ее выдаче и наступлении (Миндсенти имеет в виду будущее наступление американцев на... Будапешт.— Я. Г.) могли бы катастрофично повлиять на судьбу святой короны».

Через несколько дней пришел ответ Чепина:

«Дорогой кардинал Миндсенти! Я получил ваше письмо от 31 августа, где вы говорите о мероприятиях, связанных с короной святого Стефана. Из ваших утверждений следует, что святая корона находится в руках армии США в Висбадене. Позвольте заверить вас, дорогой кардинал, что мы уделим должное внимание вашему предложению, когда внимание миссии будет обращено на судьбу этой реликвии».

Особенно много энергии тратит Миндсенти на работу среди молодежи. Наличие множества католических школ облегчает ему это. Упомянутые школы являют собой в миниатюре Эстергомский дворец, государство в государстве: мракобесы-воспитатели рачительно заботятся, чтобы веяния новой эпохи не проникли через стены этих учреждений, и предпринимают отчаянные усилия, чтобы из их воспитанников и воспитанниц выросли чистокровные фашисты. Вырвать молодежь из цепких рук ее растлителей — такова первоочередная задача, возникшая перед народным правительством. И это было сделано.

Миндсенти и его подручные ответили дикой свистопляской. На головы членов правительства посыпались проклятия; Миндсенти пригрозил отлучением от церкви. В его посланиях теперь уже слышится голос явного, безудержного врага демократии. Это было открытое провозглашение войны новой Венгрии.

Венгерский народ принял вызов. В многочисленных письмах и телеграммах в адрес правительства он требовал прекратить враждебную деятельность самонадеянного феодала в кардинальской мантии и сурово наказать этого обер-шпиона и диверсанта. Языком справедливых

и суровых судей заговорили рабочие, крестьяне, служащие, люди свободных профессий, заговорили также и ученики бывших католических школ, заговорила, наконец, еще окончательно не растленная часть духовенства.

Требование народа удовлетворено: Йозеф Миндсенти оказался за решеткой. Найденные во время обыска секретные документы кардинала подтвердили наихудшее предположение: Миндсенти, как выяснилось, был шпионом, провокатором, злобным поджигателем войны и к тому же грязным спекулянтом.

Венгерский народ во весь голос сказал: «Наконец-то!»

Иначе отозвались на арест проходимца его покровители, для которых удар по Миндсенти был ударом по ним. Заместитель американского государственного секретаря Ловетт с пеной у рта очередной раз ошельмовал демократический строй Венгрии. А Пий XII... отлучил виновников ареста Миндсенти от католической церкви (ах, какое горе!). Дала волю своей злобе и пресса Уолл-стрита. Осиное гнездо зашевелилось.

Миндсенти и его опекуны за границей рассчитывали, очевидно, на короткую память венгерского народа, на то, что народ забыл, сколько зла, крови и слез стоило ему господство Габсбургов и ее верных ватиканских паладинов. Однако есть вещи, которых не забывают, хотя на них отложился налет веков.

Вместе с первыми Габсбургами пришли в Венгрию и первые иезуиты. И те и другие огнем и мечом утверждали свое господство, а когда терпение венгров лопнуло и они в знак протеста отказались от католичества, немецко-римские иезуиты вынесли смертный приговор всем протестантам. Но народ не согнулся под кровавым террором: возглавляемый Стефаном Бочкаем, он оказал вооруженное сопротивление цесарско-поповской орде.

Леопольд Габсбург превосходит в зверствах своих предшественников. В 1671 году Европа становится свидетельницей страшной массовой расправы над непокорными огненному палаческому топору венгерскими патриотами, через несколько лет возникает народное восстание Текели.

Однако первые успехи повстанцев не изменили неравенства в силах, Габсбург побеждает и, увлеченный католическим клиром, устраивает страшную резню сво-

бодолубивых жителей города Епарнес. Потом еще раз поднимаются на бой за свободу «куруци» Франца Ракоци. Перепуганные Габсбурги и их приспешники в сугубых идут на уступки, но это только коварный маневр. Немного погодя они снова затягивают петлю на шею народа.

В 1848 — 1849 годах венгры еще раз восстают против Габсбургов. Кроме кучки запродавшихся магнатов, весь народ берется за оружие. Мгновенно в сердце Венгрии распространяется сочная брань по адресу восставшего народа: это архиепископ Эстергомский Хам Янош бросает проклятия на головы своих соотечественников за то, что те отважились сбросить габсбургско-немецкое ярмо.

Правительство Кошута привлекло предателя к ответственности, и неизвестно, что было бы с Хамом в митре, если бы не победа Габсбургов, которые предоставили своему агенту Эстергомский дворец.

Как видим, кардинал Йозеф Миндсенти имел достойных предшественников. Но 1949 год не 1671 и не 1848. Габсбурги доживают свой век на чужих хлебах, и им не под силу спасти своего эстергомского служаку. Не спасли его и заокеанские опекуны. В стране народной демократии предательство отечества перестало быть прибыльным, почетным занятием, и никакая, даже кардинальская, мантия не защитит больше предателя от кары!

Приговор вынесен. Предатель в кардинальской мантии понес заслуженное наказание.

ПЛЮЮ НА ПАПУ!

13 июля 1949 года в моей жизни произошло знаменательное событие: папа Пий XII отлучил меня от церкви. Отлучил, как отлучают теленка от коровы. Без предупреждения.

От правды не уйдешь, конфликт между нами начался давным-давно, приблизительно сорок лет тому назад, когда нынешний Пий XII был молодым попиком Пачелли, а на святом престоле сидел Пий X. Каждое воскресенье учитель приводил нас парами в церковь монашеского ордена василиан, где читал проповедь с амвона наш преподаватель закона божьего. Василианин призывал любить надменного цесаря Франца-Иосифа I и ненавидеть «москалей», которых, дескать, надо дочиста вырезать. При этом он размахивал кулаками и извивался таким выюном, что, казалось, вот-вот выскочит из петьель... Мы со страхом пятились назад.

Впрочем, вместо того чтобы бить «москалей», пан отец предпочитал бить нас, школьников. Бил намоченными в соленом растворе розгами. Бил за «Отче наш», бил за «Верую...». У него был даже свой прејскурант: за одно пропущенное слово в пятидесятом псалме полага-

лось пять ударов, в «Богородице...» — десять и больше ударов, в зависимости от настроения «отца катехита». В особо важных случаях пан отец пользовался инквизиторскими мерами: после основательной порки он сажал малолетнего грешника в таз, наполненный холодной, как лед, водой.

Мне долгое время удавалось избегать карающей десницы василианина. Я выучил на зубок молитвы, а десять заповедей мог назвать даже во сне. Но, несмотря на это, пришел и мой черед.

Как-то пан отец спросил меня:

— Почему мы зовем святого отца Прием?

Простодушный ответ гласил:

— Потому что святой отец любит выпить!

Я и опомниться не успел, как мой живот оказался на монашеском колене и священная розга запечаглела на моем теле десять заповедей.

Господь не наделил меня смирением, и, наверное, поэтому, вернувшись домой, я уже с порога сказал матери:

— Плюю на папу!

Никто, кроме матери, этого не слышал, но, видимо, всевидящий бог донес своему римскому наместнику, так как с тех пор греко-католическая церковь начала против меня холодную войну.

И не только против меня. Впоследствии я убедился, что таких грешников было не мало. К ним прежде всего принадлежали гимназисты, которые принимали участие в чествовании Ивана Франко. Для них учитель закона божьего придумал особое наказание: в жесточайшую жару он усаживал их на солнцепеке. На протесты отвечал:

— Ага! На концерте в честь Франко вы декламировали: «Мы стремимся к солнцу!» — вот вам и солнце. Погрейтесь!..

Тогда мы хором заявляли, что оставляем унию и принимаем православие. Учитель закона божьего бледнел, хватался за сердце и ложился на пол в позе униатского мученика Иосафата Кунцевича. Из-за отсутствия поблизости реки ученики выносили ревнителя католической веры в коридор, и таким образом класс возвращался к нормальной жизни.

Столь непринужденное обращение со служителем католической церкви не могло нравиться папе римскому. Но пока что Ватикан молчал; у пастыря пастырей были дела поважнее. Однажды утром епископ из Перемышля Коциловский получил из Рима письмо.

Каково было содержание письма, никто в городе не знал, но на следующий день епископ собрал богословов и рассказал им сенсационную историю: во сне явился ему господь Саваоф с секирой в руках.

«Сия секира,— заявил его преосвященство,— есть намерек недвусмысленный, дети мои во папе, что бог хочет вашего блаженства. Итак, отныне и не мечтайте о женитьбе. Зато ласка божия отдохнет на вас, как она отдохнула на польском, римско-католическом духовенстве. А если нечистый введет вас во искушение, то вспомните о чудотворной секире. Один ее вид исцелит ваши души. Аминь».

Результат этого выступления преосвященства был тот, что значительная часть богословов оставила семинарию, а на прощание послала своему владыке новенькую секиру с надписью: «Врачу, исцелися сам!»

После этого епископ целый год не покидал своего дворца.

По-настоящему мой конфликт со святым престолом обострился, когда я, в минуту хорошего настроения, назвал митрополита Шептицкого (в одном журнале) мутителем святой водички. Этот удар был для князя греко-католической церкви громом с ясного неба: его как раз тогда поглотило дело подготовки антисоветского крестового похода. Моя нетактичность вызвала понятное возмущение: поповны отвернулись от меня, а их отцы нарушили мою прямую связь с небесами, запретив пускать меня в церковь. Шептицкий после этого впал в черную меланхолию, и только приход Гитлера к власти поставил его снова на ноги.

Несколько лет спустя умер монсиньор Ратти, то есть Пий XI, и его место занял новый мой противник — Пий XII. Все знаки на небе и на земле показывали, что в лице этого Пия я буду иметь еще более заклятого врага, нежели два предыдущие с Бенедиктом XV включительно. Ибо он был одним из крестных отцов «третьего райха» и

толкал Гитлера на войну с СССР, по его требованию Пилсудский шел огнем и мечом против моих неуниатских земляков Холмщины и Вольны.

Друзья говорили мне, что дни мои сочтены и что я должен ожидать теперь контрудара. Как и всегда в таких случаях, друзья несколько переборщили. «Мокрая работа» была в это время в Ватикане только еще запланирована. Шептицкий не имел еще тогда почетной охраны в виде гитлеровских солдат, а его прелаты еще не франтили в эсэсовских мундирах. Пока еще я мог ожидать с их стороны только сухой работы. Им нужен был повод, и они нашли его.

Как-то в сочельник я зашел к Александру Гаврилюку. Вокруг нас колядовали люди. Воспоминания детства забурлили в душе, и, растроганные, мы решили выпить по рюмочке. Традиционной рыбки не было, но ее с успехом заменило сало. Выпили по одной, и тогда Гаврилюку вздумалось пригласить к столу домохозяйна, который жил за стеной. Домохозяин принял приглашение, но, увидев на столе сало, он по-тараканьи зашевелил усами и попытался к двери. Только теперь Гаврилюк сообразил, что богобоязненный усач был членом ультракатолического «Братства наисладчайшего сердца Иисуса».

Несколько дней спустя известие о совершенном преступлении дошло до консистории, а немного погодя — и до конгрегации священной канцелярии в Риме. По данному знаку львовская дефензива начала следствие. Возмущение шпиков нашим святотатством не знало границ. Гаврилюк выехал, и повестку успели вручить только мне.

Седоголовый агент сидел передо мной и укоризненно покачивал головой:

— Ваше тело,— говорил он,— сгниет в тюрьме, но чем же является тленная плоть в сравнении с бессмертной душой, которую вы так безжалостно губите?.. Седоголовый шпик от сожаления высморкался и махнул безнадежно рукой.— Идите, грешник, допивайте в тюрьме, а я буду за вас молиться.

Прошли годы, святой престол поменял Гитлера на Трумэна, но от этого мои взаимоотношения с ним не улучшились нисколько. Наоборот, моя святотатственная

рука еще раз поднялась на пастыря пастырей... Чаша его горечи переполнилась до краев, и пастырю не хотелось ничего иного, как отлучить меня от своей церкви.

Единственное мое утешение в том, что я не одинок: вместе со мной папа отлучил по меньшей мере 300 миллионов человек, и это дает мне возможность вместе со всеми ними в полный голос заявить:

— ПЛЮЮ НА ПАПУ!

1949

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Мельничук. Путь в бессмертие</i>	<i>3</i>
--	----------

ПАМФЛЕТЫ

I

<i>Аванс. Перевод И. Новосельцевой</i>	<i>15</i>
<i>Карьера на экране. Перевод В. Щепотева</i>	<i>18</i>
<i>Геринг. Перевод Н. Шевелева</i>	<i>22</i>
<i>Иоахим фон... Перевод Н. Шевелева</i>	<i>31</i>
<i>Когда убийца смеется. Перевод В. Щепотева</i>	<i>36</i>
<i>На дневной свет. Перевод В. Щепотева</i>	<i>41</i>
<i>Последние дни одной аферы. Перевод И. Новосельцевой</i>	<i>46</i>
<i>Свершилось! Перевод В. Щепотева</i>	<i>51</i>
<i>В Нюрнберге идет дождь... Перевод Н. Шевелева</i>	<i>56</i>

II

<i>Люди без родины. Перевод Н. Шевелева</i>	<i>62</i>
<i>Чему нет названия. Перевод И. Новосельцевой</i>	<i>70</i>

Убийцы под маской политических эмигрантов. <i>Перевод И. Новосельцевой</i>	78
Пан Фиалка. <i>Перевод Е. Веснина</i>	83

III

С крестом или с ножом? <i>Перевод Г. Шинова</i>	88
Апостол предательства. <i>Перевод Н. Шевелева</i>	104
ПлЮю на папу! <i>Перевод И. Новосельцевой</i>	112

• *Ярослав Галан*
С КРЕСТОМ ИЛИ С НОЖОМ

Редактор *Ю. Розенблюм*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *А. Паранюшкина*

Сдано в набор 31/V 1962 г.
Подписано к печати 15/VIII 1962 г. А06743.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{2}$ — 3,75 печ. л.
6,15 усл. печ. л. 5,45 уч.-изд. л.
Тираж 100 000. Заказ № 2-872.
Цена 36 к.

*
Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная ф-ка им. Фрунзе
Главполиграфиздата Министерства
культуры УССР.
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.